

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94 : 342542 (571.1)

**О. Н. НАУМЕНКО
М. Ш. АЛЬМУХАМЕТОВА**

Тюменский государственный университет

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА: ИЗ ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена отношению к праву и правоохранительной системе русского сибирского крестьянства во второй половине XIX — начале XX вв. В работе дается анализ правовых обычаев крестьян, соотношение обычая и закона. В статье рассматривается позиция государства в отношении обычая и последствия данной политики для правовой культуры России.

Ключевые слова: крестьянство, правовой обычай, социальный контроль, правовой нигилизм, юридические пословицы и поговорки.

Крестьянское население Сибири сложилось из пашенных, оброчных и монастырских крестьян [1, с. 158], иных групп переселенцев, а также ссыльных преступников. Привнося в Сибирь элементы различных культур, только в начале XX в. все они смогли стать консолидированным сословием сельских обывателей [2, с. 45]. Несмотря на различия, присущие отдельным группам земледельческого населения, во второй половине XIX в. сибирское крестьянство разделилось на две основные категории: 1) коренное население, сформировавшееся в результате переселенческой политики государства; 2) ссыльные преступники.

Внутри каждой группы сформировались не только свои стереотипы поведения, но и морально-

нравственные ценности, оказывавшие влияние на формы и степень противоправного или законопослушного поведения. Лишь к концу исследуемого периода произошла консолидация местного крестьянства и ссыльных. В 1916 г. Тарский уездный исправник отмечал: «В общем ссыльный элемент постепенно сливается с местным населением, не представляя ничего особенного, так как налицо остаются лишь потомки ссыльных, родившиеся здесь и вполне воспринявшие местный язык, обстановку и культуру» [3, л. 257].

Пореформенный период оказался наиболее сложным для формирования правового сознания сибирского крестьянства. Несмотря на такие из-

вестные качества, как трудолюбие, самопожертвование, желание помочь, свидетели крестьянской жизни в Сибири дают и иные характеристики. Со слов современников, жизнь сибирских крестьян — «это полная темнота, граничащая с дикостью» [4, с. 610]. Известный земский статистик И. П. Белоконский в своих «Деревенских впечатлениях» рассказывал о том, как в 20 верстах от железной дороги царит такой мрак, что крестьянка не знает, что такое письмо, и переговаривается со своим сыном солдатом, находящимся за тысячи верст, приложив рот к телеграфному столбу [5].

Следует отметить, что у деревенского населения существовали свои представления о праве и бесправии, а также собственная интерпретация видов преступлений. К ним, например, относились деяния, направленные против обычного права: употребление в пищу голубей, «резание птицы женщиной», «допущение работы в праздники» и т. п. У деревенских жителей сложилась своя оценка обстоятельств, уменьшающих вину: преступления, совершенные «в раздражении и вспыльчивости», в пьяном виде. Уменьшалась вина при краже вещи, которая «плохо лежала». К числу проступков, за которые, по воззрениям крестьян, не следует карать, относятся кражи растений, вызываемые суевериями: «краденые будут лучше расти». Не осуждал народ и преступления, совершенные подростками, умалишенными, стариками и женщинами [6, с. 7].

Пореформенное законодательство о крестьянах по-прежнему опиралось на нормы обычного права. Согласно ст. 25 Временного приказа (приложения) о волостном суде, «...при разрешении тяжб и споров между крестьянами, в особенности же дел о разделе крестьянского наследства, руководствоваться местными обычаями» [7, с. 193, 197]. Эти положения действовали на территории Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода.

Нормы обычного права применяли волостные суды. Их компетенция была ограничена разбираемостью простейших дел, возникающих в обиходе деревенской жизни: вопросы общей семейной собственности, общинного землепользования, порочно-кругового отбывания податей и повинностей, семейные конфликты и проч. Компетенция волостных судов не включала уголовные дела и серьезные гражданские споры, но на практике решала и их.

Нередко суд по своей инициативе, независимо от рассмотрения предъявленных жалоб, возбуждал преследование за развратное поведение, пьянство и «расстройство хозяйства»; были случаи, когда по показаниям свидетелей или по собственному усмотрению суд налагал наказание на самих же истцов, а если провинившимися были «обидчик» или ответчик, то суд, независимо от взыскания по главному делу, присуждал их еще и к дополнительному наказанию, не предусмотренному законом. Это нельзя было назвать злоупотреблением, так как дозволялось нормами обычного права.

Между тем, ориентируясь на правовые обычаи, представители государственной власти, в том числе законодатели, довольно смутно представляли себе их содержание, тем более в сибирских деревнях. Они сами указывали «на неопределенность и шаткость тех начал, которые применяются в крестьянских судах, и на отсутствие таких постоянных и устойчивых правил, которые заслуживали бы названия обычного права», подчеркивали, что «недоверие к обычному праву, а вместе с тем и пренебрежение им в самой науке могут быть оправданы только тем

обстоятельством, что сведения наши по этому предмету, по крайней мере, до последнего времени, были весьма скудны и смутны» [8, с. 82].

Несмотря на активное применение обычая, регулирование отношений только им уже не могло осуществляться в полной мере по ряду иных причин. Власть не учитывала, что сибирская община разлагалась, причем быстрее, чем в Европейской России [9, с. 463]. Прежние социальные нормы устарели и уже не соответствовали требованиям времени, а новые находились лишь в стадии формирования. Социальный контроль за каждым членом общины ослаб (к примеру, в сибирских деревнях появляется проституция [10, л. 10] — явление, невозможное ранее), а нормативный контроль практически отсутствовал. Надежда власти на саморегулирование общины не оправдывалась, так как община была уже не та: вместе с ее разложением деформировались и нормы обычного права. Таким образом, обычное право, применявшееся для центра страны, в Сибири потеряло свою актуальность значительно раньше. По признанию современников, это подтверждается и негативными отзывами самих крестьян о своих обычаях [8, с. 81].

Несмотря на эту тенденцию, власти не только не искореняли деформированные обычаи, а, наоборот, нередко использовали их под предлогом «помощи следствию» в раскрытии преступлений. Например, за каждого пойманного бродягу государство платило крестьянам 3 руб. [11, с. 296, 297]. В случае «непреднамеренного» убийства бродяги уголовное дело не возбуждалось, но вознаграждение выплачивалось. Эта «охота» была делом прибыльным (в сравнении: за одну белку государство платило 5 коп. — в 60 раз меньше), и некоторые крестьяне жили за этот счет. По свидетельству очевидцев, «...бывали такие сибиряки, которые убивали за свою жизнь по шестидесяти, по девяносто и более бродяг... В Томской губернии известен был мужик Парамоныч, всю жизнь занимавшийся истреблением бродяг и закончивший свою участь тем, что один бродяга нахлобучил ему на голову раскаленный медный котел» [11, с. 296, 297]. В целом эта практика противоречила обычаю, запрещавшему беспричинное убийство, но поощрялась государством.

Проблему деформации обычая государство решило просто: по мысли законодателя, обычаи нужно было дополнить законами, и этот синтез, как планировалось, полностью обеспечил бы регулирование отношений внутри крестьянской общины.

Однако препятствием в реализации данного плана стало несовершенство созданного законодательства. Одним из примеров являются нормы, касающиеся нанесения телесных повреждений, что было очень актуально для деревни. Ни в одной статье законодательства, ни в многочисленных сенатских разъяснениях не было точной, вполне определенной грани между легкими и тяжелыми телесными повреждениями. Так как драки в деревне, со слов современников, были «обычным явлением», то любые побои, даже создавшие угрозу для жизни, рассматривались в волостном суде, а он в силу своей компетенции мог назначить в качестве максимального наказания только семидневный арест — очень мягкую санкцию [7, с. 193]. Более того, такая мягкость противоречила нормам, применявшимся к городскому населению: там только за словесное оскорбление предполагался арест на месяц [7, с. 193].

Результатом данного противоречия является конкретное дело: «Случилась в деревне драка. Один из

пострадавших обращается к врачу и, заручившись медицинским свидетельством, подает к мировому, а последний направляет жалобу в волостной суд, так как медицинским свидетельством установлены легкие побои. С точки зрения волостных судей, выходящих из того же «битого царства», побои — дело обычное, настолько привычное, что виновный в самом лучшем случае подвергается незначительному аресту, иногда вместе с потерпевшим даже» [7, с. 193].

Таким образом, надежды государственной власти на то, что отношения в деревне будут регулироваться прежде всего законом, а затем уже обычаем, имели под собой весьма призрачную основу. Общее мнение по этому вопросу выразил И. В. Гессен, приводя высказывание практического деятеля, земского начальника: «Законы о крестьянах до такой степени нелепы, разбросаны в разных положениях, уставах, правилах временных и постоянных, со всевозможными ссылками на прежние законы, что положительно не разберешься» [12].

В целом реформы второй половины XIX в., в том числе судебная и земская, не могли, причем одновременно, изменить сознание крестьян и сделать их законопослушными. В течение веков государство не занималось воспитанием правовой культуры крестьянства, и в деревне сформировалось устойчивое неприятие закона. Данная тенденция была характерна для страны в целом, но правосознание сибирских крестьян подвергалось большей деформации, чем их собратьев в Европейской России, что происходило по ряду причин.

Во-первых, сибирское крестьянство было лишено позитивного влияния мировых судов, действовавших в Европейской России в 1860–1870 гг. Они были учреждены в Сибири поздно, в конце XIX в., когда их роль была снижена. Мировые суды учреждались для применения не обычного, а общего права. В Европейской России они действительно смогли стать в какой-то мере олицетворением законности в представлении крестьянства. Там они действовали недолго, но воспоминания о них весьма красноречивы: «Мировой судья был судья по выбору, выбирался на три года из хороших, честных и образованных людей. Особенно хорошо удалось выбрать первых мировых судей, которые по душе пришлись населению, с народом обращались ласково, вежливо; судили по совести и закону»; «Никакому начальству мировые судьи не подчинялись: ни губернатор, ни другие власти в губернии никакого права не имели вмешиваться в то, как и почему мировой судья такое-то дело порешил, этого оправдал, а этого осудил. Другими словами, мировые судьи ни от какого начальства не зависели»; «Суд мировых судей был по всему удобен. Стоил дешево, всякому был доступен. А это для бедного человека — больше дело» [13, с. 10–12].

Однако в Сибири запоздалая реформа и непродуманные меры лишь деформировали мировой суд, и отношение к нему крестьян отразил один из современников, подчеркивая, что у населения, наоборот, растет отчужденность от суда, озлобленность, «население начинает относиться к судье враждебно» [14, с. 41]. В целом сибирское крестьянство не успело ощутить на себе позитивное воздействие мировых судов, что осложняло процесс формирования их правовой культуры.

Второй причиной деформации правового сознания сибирского крестьянства было мощное воздействие уголовной субкультуры, которая распространялась через ссыльных, с целью исправления рассеявшихся среди местного населения. В 1898 г.

Тобольский тюремный инспектор отмечал: «Большинство из волостей губернии «настолько переполнены ссыльными, что свободных земель в них больше не имеется» [15, с. 48]. За счет этих вливаний в жизнь сибиряков проникали уголовные нормы («понятия»), изначально не принимавшие никакие формы законопослушного поведения.

Третьей причиной деформации правового сознания сибирского крестьянства был крайне неудовлетворительный состав чиновников, осуществлявших правосудие. Многие из них по своим моральным качествам не соответствовали должности, что порождало массовые злоупотребления служебным положением. «Сибирский заседатель и исправник, — писал Н. М. Ядринцев, — привык схватить куш, а там хотя бы и под суд; он обеспечен, делается домовладельцем и землевладельцем» [16, с. 352].

В лице земских начальников совмещалась административная, полицейская и судебная власть. По мнению представителей общественности, их методы руководства вызывали в крестьянах неуважение и к закону, и к власти: «Закон 1889-го года [17] причает земских начальников не к закону, а к беззаконию! А с ними и крестьян. Потому что, какое же будет у крестьянина уважение к закону, если крестьянин каждый день видит и слышит, что земский начальник над законом смеется, на сходах кричит: «Я — для вас закон!» [13, с. 29].

Это же мнение отражала и позиция юристов. В частности, Н. Новомбергский дает следующую характеристику деятельности волостного суда: «Волостной суд — враг законности, лучшая школа бесправия, орудие сильного против слабого» [7, с. 192]. Донесение Борисова — чиновника по крестьянским делам I участка Курганского округа — в Тобольский губернский совет по крестьянским делам (17 февраля 1889 г.) так характеризует их деятельность: «В волостных судах нашел массу неразрешенных дел, а разрешенные дела являлись образцами неправосудия, ибо судьи днем судили, а вечером распивали водку с теми лицами, в пользу которых дела разрешались» [18, л. 30–33 об.].

Конечно, огромная власть земских начальников создавала условия для открытого произвола, но подобные способы рассмотрения дел не вызывали жалоб у крестьян. Нередки были противоположные случаи: когда земский начальник принимал решения самостоятельно, без влияния крестьянского общества, то подвергался нападению со стороны последнего.

В связи с законодательными недоработками, сложившимся укладом жизни и рассмотренными выше обстоятельствами, соблюдение законов в деревнях практиковалось ровно в той степени, какая соответствовала крестьянскому представлению о справедливости. Если закон противоречил этому представлению, он по возможности не соблюдался. Ярко выраженный правовой нигилизм стал идеологической основой отношения крестьянства к правосудию и законности. Это закрепило не только в поведении, но и в крестьянском фольклоре, речи и поговорках.

Юридические пословицы и поговорки того времени выражают мрачный цинизм и неверие в возможность судебной защиты: «Сильна правда, да деньги сильнее»; «Из суда, что из пруда — сухой не выйдешь»; «С сильным не борись, с богатым не тяжись»; «В суде убогий с богатым, хотя и прав, бывает виноватым». Считалось, что судьи руководствовались исключительно личной корыстью: «Судьям то и полезно, что им в

карман полезло»; «Когда судью подаришь, то всех победишь»; «Где суд — там и неправда» [19, с. 2, 3 — 5, 14 — 15, 71]; «Не бойся суда, а бойся судьи» [20, с. 29].

Некоторые правоведческие сочинения, как «Юридический словарь» Л. Демиса, учили пострадавших безмолвному долготерпению и советовали читателям уклоняться от судебного процесса во что бы то ни стало. Мир был «дороже всякой цены». Как писал в конце XIX в. известный публицист Соколовский, «...В деревенском мировоззрении крепко засела пословица: «Закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло», потому в глазах крестьянина нет законности и незаконности, а есть только ваше желание или нежелание помочь ему, в этом вы его не разубедите» [21, с. 7].

В целом множество судебных решений воспринимались крестьянами как крайне несправедливые, а законность ассоциировалась с открытым судебным произволом. Чиновник по крестьянским делам I участка Курганского округа Борисов докладывал в Тобольский губернский совет (февраль 1889 г.): «...На сельском сходе господствует полный произвол, дела, подлежащие ведению схода, остаются без движения; дела же, представленные законом ведомству суда, свободно обсуждаются на сходах, причем с лиц, признанных сходом в чем-либо виновными, обыкновенно присуждалась водка, которая тут же на сходе и распивалась; сходами нередко захватывалось имущество крестьян, в чем-либо провинившихся перед миром, и затем имущество это самовольно продавалось и закладывалось...» [18, л. 30 — 33 об.].

Правовой нигилизм проявлялся в разных формах: лжесвидетельство, круговая порука, давление на судей и проч. Наиболее распространёнными были самосуды. Курганский прокурор отмечал факты, когда крестьяне, поймав трех воров, их тут же зарыли живыми; в другом случае были «положены во временные могилы» шесть чел. [22, с. 115].

Сложности при разбирательстве дела обуславливались круговой порукой и заведомо ложными свидетельскими показаниями, нередко носившими массовый характер. Красноречивым примером является следующее дело. В феврале 1880 г. крестьянка Дарья Андреева была жестоко избита своим мужем Егором Андреевым за то, что не дала денег на водку. Избитая, пришла в дом соседа Ивана Лязгина. Со слов домочадцев, «...Она была до того слаба, что не могла стоять на ногах, повалилась на пол, попросила «испить водицы», и затем с нею началась агония. Дали знать мужу, он пришел и начал пинать ногами умирающую, упрекая ее в том, что она, старая ведьма, притворяется. Но «притворница» самым неприятным образом испустила дух» [23, с. 902].

Когда по факту смерти Дарьи Андреевой началось следствие, волостной старшина несколько раз выезжал не место происшествия, собирал свидетельские показания, но ничего не смог узнать: «Не только «общественники», но и даже ближайшие свидетели катастрофы: Лязгин (весьма почтенный старец) и все члены его семьи под присягой готовы были утверждать, что Егор Андреев — примернейший супруг в мире, что он с покойной Дарьей Николаевной жил душа в душу, так что даже со стороны на них завидно было глядеть, что он ее не только пальцем не трогал, но грубого слова никогда не промолвил...» [23, с. 903].

Следствие зашло в тупик. Более того, так как «все огулом стояли за Андреева», то под общим давлением волостной старшина Соколов, расследовавший

это дело, совершил подлог документов. Он заменил первый рапорт по факту убийства на другой, где сказано, что крестьянка умерла от сердечного приступа. Однако подлог был обнаружен раньше, чем Д. Андрееву похоронили: окружной врач прибыл освидетельствовать тело, и на его объективное заключение общество повлиять уже не могло. Подобный пример не единичен.

Данное дело подчеркивает не только правовой нигилизм членов крестьянской общины, но и противоположный характер их действий, в сознании закрепленный в качестве нормы поведения. Более того, данные факты противоречат даже нормам обычного права, которое запрещало убийство и требовало возмездия в случае его совершения. Подобные дела (а их множество) свидетельствуют о деформации не только правового сознания крестьянства, но об отмирании самих норм обычного права, уже не способных регулировать отношения внутри общины.

Нередко полицейские приставы не выдерживали психологически, когда крестьяне открыто игнорировали их указания или пытались оказать давление. Так, из поступившей в Департамент полиции переписки на имя Томского губернатора Сузунского по делу о столкновении полицейского пристава Кузнецова с крестьянами деревни Тарадановой оказалось, что «...столкновение это, окончившееся нанесением побоев и поранений и привлечением виновных крестьян к уголовной ответственности, вызвано было отчасти действиями самого Кузнецова, который, увидев во дворе при земской квартире трех пьяных и ругавшихся крестьян, предложил им разойтись, а когда они ответили ему дерзостью, ударил одного из них 2 раза кулаком» [24, л. 106]. Губернатор просил департамент полиции переписку по этому делу прекратить и не привлекать крестьян к уголовной ответственности, понимая специфику крестьянского правосознания и виновность самого пристава, но дело все же было возбуждено [24, л. 106 об.].

К началу XX в. деформация правового обычая и произвол крестьянского начальства достигли таких пределов, что перестали устраивать само сельское общество. Консолидация сибирского крестьянства в единое сословие сопровождалась ростом самосознания, и сельские обыватели начали вставать на защиту своих прав. Основная часть жалоб на незаконные действия крестьянских судей и на невозможность защиты своих прав «по закону» была написана именно в это время. В частности, общество крестьян села Марайского Курганского уезда в жалобе на служебные злоупотребления волостного писаря и его помощника подписалось всем сходом [25, л. 41]. Наконец, нерешенные проблемы, в том числе и в области мировой юстиции, стали причиной крестьянского движения в Сибири, которое привело в 1905 г. к организации Крестьянского съезда.

Однако появившийся шанс воспитать в сибирском крестьянстве правовую культуру государство упустило. Зародившаяся тенденция ориентироваться на закон оказалась неустойчивой, была прервана революционными событиями, и в крестьянском сознании прочно закрепилось мнение, что закон несправедлив, и он создан не для них. Любые попытки правительства реформировать правоохранительную систему воспринимались сельским социумом отрицательно и настороженно. Трагизм положения заключался в том, что крестьянство составляло около 80 % населения страны. Их правовой нигилизм стал важнейшей предпосылкой к отказу от закона вообще в первые годы Советской власти, что, в свою

очередь, повлекло кровавый террор, направленный в том числе и против самого крестьянства.

Библиографический список

1. Большая Тюменская энциклопедия. В 3 т. Т. 2 / Гл. ред. Г. Ф. Шафранов-Куцев, Е. Б. Заболотный. — Тюмень : Сократ, 2004. — 495 с.
2. Балюк, Н. А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI — начале XX вв. / Н. А. Балюк. — Тюмень : Изд-во ТюМГУ, 2003. — 186 с.
3. ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 417. Оп. 1. Д. 519.
4. Очевидец. О каторге // Право. — 1912. — № 11.
5. Белокопский, И. П. Деревенские впечатления / И. П. Белокопский // Русское богатство. — 1900. — № 8.
6. Чарушин, А. А. Взгляд народа на преступление / А. А. Чарушин. — Архангельск : Губ. типогр., 1912. — 8 с.
7. Новомбергский, Н. Я. По Сибири : сб. ст. по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству / Н. Я. Новомбергский. — СПб. : Типография Дома призрения малолетних бедных, 1903. — 346 с.
8. Сборник государственных знаний. В 8 т. Т. VI. / Под ред. В. П. Безобразова [и др.]. — СПб. : Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1878. — 476 с.
9. Катионов, О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII — XIX вв. / О. Н. Катионов. — Новосибирск, 2004. — 568 с.
10. ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 1. Оп. 1. Д. 559.
11. Благовещенский. Записки о Сибири / Благовещенский // Вестник Европы. — 1882. — № 9.
12. Гессен, И. В. Юридическая литература для народа: (Опыт критического разбора) / И. В. Гессен // Право. — 1901. — № 47.
13. Титов, А. А. О мировых судьях и земских начальниках / А. А. Титов. — М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1906. — 32 с.
14. А. Х. Мировой судья в Сибири / А. Х. // Сибирские вопросы. — 1911. — № 5–6. — С. 38–45.
15. Отчет Тобольской губернской тюремной инспекции за 1898 год. — Тобольск : Тип. Епархиального братства, 1899. — 62 с.
16. Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония / Н. М. Ядринцев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. — 471 с.
17. Положения об установлениях, заведывающих крестьянскими делами. — СПб., 1914.
18. ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 332. Оп. 1. Д. 47.
19. Иллюстров, И. И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. Опыт систематического, по отделам права, собрания юридических пословиц и поговорок русского народа / И. И. Иллюстров. — М. : Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1885. — 753 с.
20. Кони, А. Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1 / А. Ф. Кони; сост. А. Б. Амелин. — М. : Юридическая литература, 1959. — 627 с.
21. Гессен, И. В. Юридическая помощь населению / И. В. Гессен. — СПб. : Право, 1904.
22. Крестьянников, Е. А. Развитие судебной системы в Тобольской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Крестьянников. — Тюмень, 2003. — 241 с.
23. Сибирская газета. — 1881. — № 32.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 108. Д. 69.
25. ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 479. Оп. 2. Д. 74.

НАУМЕНКО Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права.

АЛЬМУХАМЕТОВА Марианна Шамильевна, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права и международного права. Адрес для переписки: e-mail: hea2004@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2012 г.

© О. Н. Науменко, М. Ш. Альмухаметова

УДК 94 (574.2) : 355. 426

И. В. КУРЫШЕВ

Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова

ИЗ ИСТОРИИ АНТИКОЛЧАКОВСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ (ЖИЛЯЕВЩИНЫ)

В статье рассматривается один из ярких и в то же время малоизученных эпизодов антиколчаковского повстанческо-партизанского движения в Северном Казахстане, деятельность партизан во главе с А. Жиляевым и ее мотивы. Особое внимание уделяется такому социальному явлению, как бонапартизм партизанских руководителей.

Ключевые слова: партизанщина, репрессивные меры, ненависть, деструктивные действия, бонапартизм.

Повстанческо-партизанское движение в Северном Казахстане (конец 1918 — осень 1919 гг.), отличаясь мощным накалом борьбы, имело свои региональные особенности. Как справедливо отмечал С. Н. Покровский в своем исследовании, посвященном разгрому внешней и внутренней кон-

трреволюции в Казахстане (1918 — 1920 гг.), «здесь приходилось преодолевать значительные проявления местнических настроений, партизанщины, крестьянской ограниченности» [1, с. 131].

Одним из ярких эпизодов партизанщины в Северном Казахстане стала так называемая жиляев-

щина, которая специально не изучалась, но упоминания о ней встречаются в литературе мемуарного характера и ряде исследований [1, с. 266].

Такое название рассматриваемые события получили по имени командира партизанского отряда А. И. Жилиева. Жилиевщина тесно связана с развитием повстанческо-партизанского движения в Кустанайском, Петропавловском и Кокчетавском уездах, в том числе возникновением крупномасштабного антиколчаковского кустанайского восстания.

Андрей Иванович Жилиев родился в 1885 году в селе Боровом Кустанайского уезда. В молодости батрачил, служил в царской армии, где получил звание унтер-офицера, до падения Советской власти являлся членом уездного исполкома, однако четких политических позиций не проявил. Во время разгона Кустанайского совета чехами бежал, начал подпольную деятельность по объединению всех небольших колчаковской властью.

Мобилизация в колчаковскую армию, связанная с общим наступлением на Западном фронте в марте 1919 г., шла трудно; карательные отряды, направлявшиеся для ее проведения, не могли существенно улучшить ситуацию, своими репрессивными акциями способствовали накоплению озлобленности и агрессивности у крестьянства. В частности, сельский корреспондент А. Соболев впоследствии так описывал в газете «Степной крестьянин» приезд карательного отряда в поселок Львовский Кустанайского уезда: «6 марта ночью набат. Вскочили — казаки. Летают по улицам и рубят. Бившему в набат снесли голову... 12 человек вырвались из поселка. Казаки подожгли несколько домов. Началось насильствие женщин. ... Зимой трудно было скрываться в поле, и почти все попались в руки казаков и милиции. В церковной сторожке били и истязали дезертиров нагайками, шомполами, прикладами и подолгу оставляли лежать связанных в лужах крови. Полуизрубленные, исколотые, все 12 человек были столкнуты в прорубь. ...» [2, с. 161 — 162].

Насильственная мобилизация в белую армию, конфискация скота и имущества у крестьян, неуверенность в завтрашнем дне, наличие массы дезертиров и наплыв беженцев в Кустанай из Орска, Оренбурга и Бузулука — все эти факторы в совокупности привели уже в конце марта 1919 г. к взрывоопасной ситуации, грозившей вылиться в мощное антиколчаковское восстание. Поводом к нему послужили события, связанные с возмутительным поведением милиции в селе Боровском (в 80 верстах от Кустаная), которые переполнили чашу народного терпения.

По сведениям начальника контрразведки белогвардейской Отдельной Оренбургской армии полковника Василенко, успеху начала мятежа в значительной степени способствовала слабая деятельность милиции и чинов бывшего военного контроля Западной армии. «Милиция города в высшей степени озлобила жителей взяточничеством, — отмечал в своем докладе начальник контрразведки, — говорили, что взяткой можно было купить любого чина милиции. Незадолго до восстания один из участковых милицейских начальников проиграл в карты 30000 рублей и заплатил деньги на месте. Явления, подобные этому, замечались повсеместно и считались заурядными» [3, с. 618 — 619].

Ко всему прочему, благодаря антиправительственной агитации, в Кустанайском уезде возникла соответствующая среда для развития мощных протестных настроений. Главным большевистским агитатором белая печать называла бывшего деятеля

свергнутого кустанайского совдепа, «небезызвестного боровского конокрада Жилиева» [4]. Начальник колчаковской милиции в селе Боровском Головин своим произволом и беззакониями разжигал ненависть у местного населения. 1 апреля он направил отряд милиционеров в поселок Долбушинский для ареста скрывавшихся здесь подпольщиков. Однако прибывшие к месту назначения сотрудники милиции напились допьяна и стали бесчинствовать, ругаться, стрелять из наганов. Члены подпольной ячейки, возглавлявшейся А. Жилиевым, напали на милиционеров и перебили их. Из поселка Долбушинского повстанцы (преимущественно, местные бедняки и середняки) двинулись на село Боровское, где вновь совершили нападение на штаб милиции, истребили ее, захватили оружие и обмундирование. После взятия Боровского Жилиев разослал гонцов во все прилегавшие поселки, призывая крестьян присоединиться к его отряду. На заседании повстанческого штаба, избравшего командующим Жилиева, было принято решение идти на Кустанай и захватить его.

Высланные для разгрома повстанцев белоказачьи отряды в поселках Жуковском и Владимирском были разгромлены, все казаки перебиты. Эта победа воодушевила партизан, которые настойчиво продвигались к Кустаная. По пути к жилиевскому отряду, возросшему до 500 человек, примкнуло значительное количество дезертиров, что не могло не повлиять как на его нравственно-психологический облик, так и на характер последующей деятельности.

Местные колчаковские власти, в том числе управляющий уездом Луб, не предприняли необходимых мер для защиты города. 5 апреля в 4 часа дня из города уже ушел первый поезд с беженцами, главным образом, женами и родственниками офицеров. По сообщению белогвардейской печати, город был сдан плохо вооруженной двухтысячной толпе мятежников [4; 3, с. 620].

Колчаковская контрразведка полагала, что само восстание было тщательно подготовлено, в частности, заранее создан штаб, помещавшийся в Кустанае в доме Исаева, сформирован перевязочный отряд, снабженный медикаментами. В подготовке восстания принимало участие местное население, жители окрестных сел жертвовали крупные суммы — до 20000 рублей, муку, овес, лошадей и подводы. Причем список лиц, сделавших пожертвования, попал в руки контрразведки. Существенную помощь восставшим оказала местная воинская команда, которая присоединилась к ним. Кроме того, мятежники ожидали прибытия из Орска значительных сил красных [3, с. 619 — 620].

Ранним утром партизаны начали захват Кустаная, сотне партизанских конников удалось без боя занять вокзал, центр города. По свидетельству очевидцев, «среди белых началась паника, не поддающаяся описанию; белые отряды стреляли друг в друга» [2, с. 175]. Уже к двум часам дня Кустанай был захвачен повстанцами, которые тотчас же освободили из местной тюрьмы не только политических заключенных, но и отъявленных уголовников. Охваченный паникой, встревоженный город охватила стихия жестоких убийств и грабежей на почве мести.

Партизанские власти вынуждены были попытаться взять ситуацию под контроль. 6 апреля 1919 г. вышел приказ № 2 главнокомандующего всеми военно-революционными силами Кустанайского уезда А. Жилиева, в котором отмечалось, что при взятии города революционными войсками, во время освобождения тюрьмы, по ошибке были выпущены уголовные преступники [2, с. 177].

Поскольку в ходе восстания отчетливо проявились мотивы ненависти по отношению к белым, казачеству, после захвата города повстанцы буквально вылавливали не успевших бежать офицеров, солдат и казаков. Офицерские квартиры подверглись беспощадному разграблению, проводились массовые обыски, в ходе которых изымались не только оружие, но и наиболее ценные вещи. Начались усиленные аресты контрреволюционеров. Многих лиц, которых причисляли к офицерству, казакам (с презрением называя их «красноштанниками»), повстанцы жестоко избивали нагайками, прикладами, кололи штыками.

В течение нескольких дней пребывания партизан в Кустанае ими было похищено из казначейства 800 тысяч рублей, 20 кровных жеребцов, 61 рабочая лошадь, попоны, седла, 118 тысяч рублей из казенного питомника киргизских лошадей. Крестьяне из дальних сел уже занялись организацией этапов для переправы награбленных вещей и, не зная об изгнании красных партизан из города, явились за трофеями на подводах [4].

По воспоминаниям участника партизанской борьбы, коммуниста Рогодева, в захваченном повстанцами Кустанае Жиляев вместе со своими приближенными и женой принимал участие в реквизиции золота и драгоценностей у местной буржуазии, но не сдал ни одного грамма в партизанскую казну [5, с. 136].

Во время восстания в Кустанайском уезде происходили жестокие, изуверские расправы, в том числе над некоторыми местными священнослужителями. Архиепископ Оренбургский Мефодий доносил Высшему церковному управлению о том, что во время крестьянского восстания в марте-апреле 1919 г., под воздействием агитации пяти инородцев, были зверски убиты священники сел Боровского и Алешинского Кустанайского уезда. Причем священника села Боровского отца Дроздова повстанцы (вероятно, попавшие в их ряды отъявленные уголовники или дезертиры) распяли, а у его жены вырезали груди [6].

Колчаковское командование перебросило на подавление кустанайского восстания значительные силы — карательный отряд подполковника Сахарова в составе 43-го и 49-го пехотных полков, 5-го Оренбургского казачьего дивизиона с 4-мя орудиями и 20-ю пулеметами (общей численностью до 1500 человек) [1, с. 268; 3, с. 619].

Восьмого апреля белогвардейские части, высадившись с поезда в 15 верстах от города, начали наступление. Разделившись на четыре части, отряд беспрепятственно подошел почти вплотную к городу. Центр и левый фланг были встречены огнем повстанцев. Особенно пострадал левый фланг белых, наступавших на реальное училище, занятое противником. Бой в течение дня продолжался на городских улицах, где восставшие стреляли почти из каждого дома. С наступлением темноты колчаковские войска были выведены из города.

На следующий день, 9 апреля, бой возобновился. Из кустанайского реального училища повстанцы были выбиты лишь только после жестокого артиллерийского обстрела, в результате которого здание было почти все разрушено. Вскоре был занят и центр города. Несмотря на явное численное превосходство белых, мятежники стойко держались, сражались с ожесточением, даже наступали, однако теснимые противником вынуждены были к вечеру отойти к городскому окраину. Вместе с повстанцами Кустанай обороняли горожане, даже женщины не только приносили в окопы еду, но и стреляли по белогвардейцам.

Выделялась жена Жиляева, Лукерья, по происхождению, очевидно, казачка, при обороне Кустаная командовавшая конным отрядом. В разгар белогвардейской атаки она со своим отрядом оказалась на одном из самых трудных участков, вступив в схватку с казачьей сотней [2, с. 180–181].

Однако под напором превосходящих сил противника, неся большие потери, в ночь на 10 апреля повстанцы отступили из Кустаная. В этот же день город был очищен белыми от оставшихся мятежников, все пойманные расстреливались карателями. По некоторым сведениям, жертв в городе насчитывалось до 3 тысяч [7].

Командующий Юго-Западной армией, главный начальник края, атаман А. И. Дутов в телеграмме от 7 апреля 1919 г. сообщал о мерах по подавлению восстания колчаковскому Министерству Внутренних Дел: «Кустанайский уезд считается опасным. Почти в каждом селении имеется большевистская организация. Отношу это явление исключительно к бездействию управляющего областью Матвеева и управляющего уезда Луба. По наведенным справкам, Матвеев — левый эсер, Луб — бывший комиссар. К сожалению, документами это пока установить не удалось. Прошу об увольнении этих лиц. Для подавления большевизма принял следующие меры. Из всех ненадежных селений взяты заложники от 5 до 20 соразмерно населенности с предупреждением, что при попытке восстания их общества заложники будут расстреляны. Послано мною как командармом три карательных отряда с артиллерией и пулеметами. В Кустанае из арестованных зачинщиков 8 полевым судом приговорены к смертной казни. Приговор утвержден и приведен в исполнение. В разных селениях взято казаками 74 большевика крестьянина, из них 11 приговорены к смерти и 24 к каторге, остальные оправданы. Приговор утвержден и приведен в исполнение» [8]. Кроме того, Дутов предлагал изъять из Кустанайского уезда, передав в казачьи станицы, военнопленных (венгров-интернационалистов) и военнообязанных, поскольку считал их организаторами восстаний, большевистскими пропагандистами.

Жестоким расправам со стороны колчаковцев подверглись села крестьян-переселенцев, принимавших участие в восстании, Боровское, Александровское, Жуковское, Воскресенское и Надеждинское. Так, по сведениям колчаковской контрразведки, 15 апреля в село Боровское прибыл отряд казаков в количестве 60 человек, встреченный жителями хлебом-солью. На специально собранном сходе каратели потребовали выдать всех участников восстания. Несколько человек из схода были схвачены и выпороты, после чего выдали 6 мятежников, тут же допрошенных и затем под давлением казаков расстрелянных.

Жители некоторых сел арестовали скрывавшихся участников восстания и выдали их белым. Однако «такому поведению жителей особенно доверять не следует, — констатировал начальник контрразведки, — делается это только для вида и временного успокоения наших властей. Злоба у населения несколько не угасла, и в благоприятном для большевиков случае от него нужно **ожидать жестокой мести**» [3, с. 625] (выделено мною. — И. К.).

Колчаковские военные власти полагали, что осуществленные репрессивные меры оказались недостаточными, поскольку население, состоявшее большей частью из переселенцев, по-прежнему испытывало глубокую ненависть к казакам, оказыва-

ло поддержку дезертирам и содействовало большевистским агитаторам [3, с. 625].

Отступившие из Кустаная повстанческие отряды сгруппировались в южной части уезда, в районе поселка Шолоксай, где находились несколько дней. По поводу дальнейших боевых действий столкнулись две противоположные точки зрения. А. И. Таран, К. М. Иноземцев и другие коммунисты предлагали продвигаться через степи на Тургай и Иргиз, для соединения с войсками Актюбинского фронта. Однако Жилиев со своими сторонниками не согласился с этим предложением, поскольку не желали вливаться в ряды Красной Армии, что потребовало бы от них подчинения советскому командованию, строгой воинской дисциплины и реорганизации партизанских отрядов.

Отколовшись от отряда Тарана, разделяя настроения значительной части крестьян, потянувшихся к своим семьям, родным местам, А. Жилиев решил со своим отрядом вернуться в село Боровское. По дороге, узнав, что в поселке Сундуки находится карательный отряд белых, партизаны Жилиева внезапно на него напали и перебили. Активный участник повстанческо-партизанского движения О. Ф. Городничий следующим образом объяснял мотивы убийства карателей: «Взято было живыми 22 человека. При обыске у каждого из них было обнаружено много крестьянского белья, костюмов и других вещей домашнего обихода, а также много денег. Все это было награблено, в чем они сами сознались. Все эти 22 казака были из станицы Звериноголовской и Кочердык. Карателей с собой нам брать было невозможно, отпустить их тоже нельзя, так как они снова стали бы грабить и пороть крестьян, а потому их всех расстреляли. Был убит и командир карательного отряда капитан Усачев. ... Жители поселка сердечно благодарили наш отряд за избавление от карателей» [5, с. 128].

Никаких организационных мероприятий по укреплению отряда в Боровском предпринято не было. Между тем белые, получив сведения о малочисленности и слабом вооружении партизан, направили сюда карательные части. Отряду грозила неминуемая гибель, что стали осознавать почти все партизаны. Однако сам Жилиев не придавал значения назревающей опасности. По воспоминаниям очевидцев, «он вел себя, как зазнавшийся генерал, носил через плечо широкую голубую ленту, на руках — золотые кольца. Его жена, Луша, имевшая на мужа исключительное влияние, появлялась в штабе, сверкая золотом» [5, с. 128].

Тем временем белые окружили Боровское. Жилиев, подчиняясь требованиям части партизан идти на соединение с отрядом Тарана в Тургай, вынужден был в беспорядочной спешке оставить село. Колчаковская печать подробно сообщала о деструктивных действиях «красной пугачевщины», «банд красных», перебравшихся после подавления Кустанайского восстания в южную часть Петропавловского уезда. Эти сообщения не противоречили действительности. Утром 7 мая в село Всесвятское внезапно ворвался жилиевский отряд численностью около 700 человек, ограбил почту (на сумму 25300 рублей), медицинский переселенческий пункт (на 10000 рублей), частную аптеку и зажиточное население, прежде всего торговцев, на 500 тысяч рублей. Кроме того, реквизировал 100 лошадей, 80 бричек [9–12]. Партизаны арестовали без предъявления конкретного обвинения заведующего 3-м переселенческим подрайоном Лапшина, почтово-телеграфного чиновника Радишева, врача медицинского пункта Троицкого с женой и кучером. В силу настойчивого

ходатайства граждан села Всесвятского Лапшин и Радишев были освобождены, в помиловании же Троицкого с женой повстанцы отказали и увезли с собой насильно, заявив, что «врач — офицер, кадет, а потому освобожден не будет». После ухода партизан крестьяне села Всесвятского обнаружили обезображенные, исколотые штыками трупы врача Троицкого и его жены, с признаками жестокого насилия [9–12].

По свидетельству бывших партизан, под влиянием коммунистов в отряде Жилиева осуществлялся ряд мероприятий, направленных на укрепление дисциплины, искоренение пороков и преступлений. На совместном заседании военного совета и военно-революционного трибунала был разработан и утвержден в форме приказа № 7 проект устава о применении наказаний за те или иные проступки в рядах партизанской армии [2, с. 187].

Однако, несмотря на подобные приказы, повстанческо-партизанская стихия, словно река, вышедшая из берегов, слабо поддавалась введению жесткой дисциплины и строгой ответственности. А. Жилиев использовал местнические настроения крестьян, непонимание необходимости жесткой воинской дисциплины, единоначалия и строгого порядка. В частности, он сулил партизанам организовать Кустанайскую трудовую республику с центром в селе Боровском, где жили его родственники.

Однако дальнейший боевой путь его отряда под давлением обстоятельств лежал на Шолоксай, Тургай, Иргиз и Челкар, где уже дислоцировались красноармейские соединения Туркестанского фронта. Под г. Тургаем партизаны Жилиева вступили в бой с частями «Алаш-Орды», вынудив их отступить. Проходя далее через Иргиз, они ограбили множество жителей города на сотни тысяч рублей, а также местное казначейство на сумму наличными деньгами и ценностями около 60 тысяч рублей [3, с. 311].

Именно в Челкаре после трехдневного отдыха кустанайский отряд переформировали, вооружили и отправили на фронт. А. И. Жилиев был назначен третьим помощником командующего фронтом, что воспринял как явное понижение. Он возмущался тем, что его оторвали, изолировали от отряда (полка), лишив возможности им командовать, поставили под строгий политический контроль.

С первых дней пребывания в Челкаре Жилиев стал агитировать против штаба фронта, называя его сотрудников «кышмышниками» и бездельниками. Он стал подговаривать партизан вернуться назад в Кустанай, открыто выступал на митингах против штаба Туркестанского фронта. «Комиссары, — говорил бывший партизанский вожак, — ведут нас в дубри, создают какие-то партячейки. Для кого они нужны? Мы обходимся и обойдемся без ячеек и комиссаров» [5, с. 134]. Для расследования контрреволюционной деятельности А. И. Жилиева была направлена специальная комиссия во главе с уполномоченным центра в Туркестане Кобозевым, которой он пытался оказать противодействие, в результате чего был арестован.

Освободившись из-под ареста, Жилиев вместе со своими приверженцами направился в штаб фронта, где расправился с сотрудниками штаба и арестовал председателя Реввоенсовета Актюбинского фронта А. Г. Брегадзе [5, с. 135]. При захвате штаба подручные партизанского вождя обнаружили шесть, черного сукна, белогвардейских мундиров, якобы предназначенных для партизанской разведки в тылу белых. Это обстоятельство позволило Жилиеву предъявить штабу обвинения в предательстве и измене, а себя объявить главнокомандующим фронта.

По распоряжению Реввоенсовета Туркестанского фронта на станции Аральское море была созвана конференция воинских частей, а также создана чрезвычайная комиссия для расследования жилиевского мятежа. 27 августа 1919 года, по докладу комиссии, 2-я фронтовая конференция приговорила к расстрелу Андрея Жилиева, его жену и сподвижников Володина, Стефановского, Гуренко, как изменников Родины и врагов трудового народа. В ночь на 28 августа 1919 г. приговор был приведен в исполнение [5, с. 137; 2, с. 190].

Сам А. Жилиев являлся типичным воплощением партизанщины. Он, как и прочие партизанские вожди Сибири и Северного Казахстана, был заражен духом бонапартизма, характеризовавшего бытовую психологию «героев» гражданской войны, как желание жить за счет славных заслуг прошлого.

Библиографический список

1. Покровский, С. Н. Разгром иностранных военных интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918 – 1920 гг.) / С. Н. Покровский. – Алма-Ата, – 365 с.
2. Грушин, И. Борьба с колчаковщиной в Кустанае / И. Грушин // Пролетарская революция. – 1926. – № 9(56). – С. 150 – 192.
3. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. В 2 т. Т. 1. Май 1918 г. – сентябрь 1919 г. / Отв. ред. Т. Е. Елеуов, Х. Ш. Иноятов. – Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1963. 701 с.
4. Восстание в Кустанайском уезде // Единство : беспар-

тийная, общественно-политическая и кооперативная газета. – Петропавловск. – 1919. – 9 мая.

5. Борьба за власть Советов в кустанайских степях : сб. док., материалов и воспоминаний участников / Отв. ред. И. А. Грушин. – Кустанай : Издание отдела пропаганды и агитации Кустанайского обкома КП Казахстана и областного Госархива, 1959. – 162 с.
6. Зверства большевиков // Тобольские епархиальные ведомости [Текст]: религиозный журнал. – Тобольск. – 1919. – № 11. – С. 178.
7. РГВА. Ф.40218. Оп. 1. Д. 388. Л. 1.
8. ГА РФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 11. Л. 38.
9. ГА РФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 14. Л. 207.
10. ГА РФ. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 57. Л. 1 – 2 об.
11. Рыбальчин, Ф. События в селе Всесвятском // Единство: беспартийная, общественно-политическая и кооперативная газета. – Петропавловск. – 1919. – 21 мая.
12. К событиям в селе Всесвятском // Приишимье : газета политическая и общественно-литературная. – Петропавловск. – 1919. – 24 мая.

КУРЫШЕВ Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), заведующий кафедрой истории и социально-гуманитарных наук. Адрес для переписки: e-mail: istorik_ishim72@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.02.2012 г.

© И. В. Курышев

УДК 947.083

С. А. САФРОНОВ

Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск

УЧАСТИЕ СИБИРСКОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ГРУППЫ В РАБОТЕ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ (1907-1912 гг.)

В статье исследуются проблемы создания, цели и задачи Сибирской парламентской группы в III Государственной думе в начале XX века, анализируются отношения сибирских депутатов к Столыпинской аграрной реформе, введению частного крестьянского землевладения в Сибири.

Ключевые слова: Столыпинская аграрная реформа, частное крестьянское землевладение, Сибирская парламентская группа, Государственная дума.

Причинами возникновения Сибирской парламентской группы в Государственной думе начала XX века явились вопросы дальнейшего развития Сибири, которые сложно было решить без участия сибирских депутатов. Вопрос о создании Сибирской парламентской группы возник еще во время деятельности I Государственной думы. Сибирские депутаты воспринимали это как необходимое условие их думской работы по защите интересов своего региона [1, с. 9 – 10]. Однако в I Думе этого сделать не удалось. После выборов во II Думу мечта о создании Сибирской парламентской группы стала приобретать более ясные очертания. Законов о Сибири было немного, их действие распространялось исключительно на эту восточную область российского государства и по-

этому предварительная разработка данных законов (еще на стадии законопроектов) требовала участия сибирских депутатов. Так, во II Государственной думе при участии сибиряков рассматривались вопросы о судоходстве на реках Восточной Сибири, порто-франко на р. Амуре, землеустройстве. Все это вместе взятое и побудило сибирских депутатов к созданию своей группы [2, с. 29 – 31].

Первоначально данное объединение называлось Сибирской группой прогрессивных депутатов, она создавалась для выполнения следующих функций: 1) разработки сибирских вопросов; 2) подготовки и рассмотрения законопроектов, касающихся Сибири и Степных областей; 3) установления связи с населением путем издания книг, газет и т.д. В целом

в состав Сибирской группы во II Государственной думе вошло 23 депутата от Сибири, по партийным спискам они распределялись следующим образом: 2 представителя трудовиков, 2 — примыкавших к народным социалистам, 2 — народных социалиста, 1 — от партии демократических реформ, 7 — от партии народной свободы, 1 — от казаков, 5 — от мусульман, 3 — от социал-демократов. Часть социал-демократов и социалистов-революционеров отказались от участия в группе, так как не считали возможным сблизить задачи своих партийных программ с более узкими задачами областной группы [3, с. 29 — 30].

Однако и II Государственной думе был отпущен недолгий срок. У сибирских депутатов это вызвало сильное разочарование, многие из них, покидая столицу после роспуска II Думы уже не верили в плодотворность парламентской демократии и считали, что только «...широко поставленное демократическое местное самоуправление может провести в жизнь нужные стране законы... только там, в Сибири, а не в Петербурге может быть решена та масса больших и малых вопросов, которые давно выдвинуты жизнью» [4, с. 30 — 31; 5, с. 2 — 4].

После избрания III Государственной думы количество сибирских депутатов уменьшилось вдвое, чем их предшественников в I и II Думах. Вся Сибирь была представлена 14 депутатами, вместе с тем одна только Волынская губерния имела в Думе 13 представителей. «Экономия сил» повелительно диктовала необходимость объединения сибирских депутатов по общим сибирским вопросам и разделения труда между ними для повышения эффективности их деятельности. В случае же отсутствия в Государственной думе областных групп, обсуждение в комиссиях местных вопросов часто носило сумбурный характер. Сибирская же парламентская группа спланировала сибирских депутатов для защиты всего сибирского населения [1, с. 11 — 13].

В этих обстоятельствах произошло возрождение Сибирской парламентской группы. 24 ноября 1907 г. состоялось учредительное собрание Сибирской группы III Государственной думы, на котором присутствовало 7 членов Государственной думы и 13 сибиряков, пожелавших принять участие в работах данной группы. Учредительное собрание выбрало Временный комитет Сибирской парламентской группы в составе председателя Н. К. Волкова, товарища председателя П. И. Пальчинского, секретаря Н. Л. Скалозубова, товарища секретаря Г. А. Норина. Членами комитета были также избраны В. И. Дзюбинский, В. А. Караулов и В. К. Штильке. На этом собрании был обсуждён и окончательно отредактирован устав Сибирской группы [6, с. 27 — 28].

28 ноября 1907 г. состоялось собрание Комитета Сибирской парламентской группы III Государственной думы. После решения вопросов хозяйственного характера и вопросов, связанных с привлечением денежных средств на нужды этой группы, были намечены ближайшие задачи ее деятельности. В ближайшем будущем было решено образовать следующие комиссии: 1) аграрную, с подразделением на переселенческую, землеустроительную и инородческую подкомиссии; 2) о путях сообщения и порто-франко; 3) о народном образовании; 4) местного самоуправления и финансов; 5) судебную (с вопросом о ликвидации ссылки в Сибирь); 6) инородческую (для разработки вопросов, касающихся инородческого населения Сибири и его интересов); 7) торгово-промышленную. К моменту образования данных комиссий депутаты-сибиряки обязались ра-

зобраться в законопроектах, касавшихся Сибири и распределить их для ознакомления по комиссиям [6, с. 28].

4 декабря 1907 г. состоялось еще одно собрание Сибирской парламентской группы, на котором присутствовали 6 депутатов Государственной думы и 13 внепарламентских членов группы. На этом собрании было образовано три комиссии: 1) аграрная; 2) о путях сообщения и 3) о местном самоуправлении. Анализ государственного бюджета в его части, посвящённой Сибири, решено было предоставить парламентским членам группы. На данном собрании наметилось два противоположных течения в составе Сибирской группы: 1) выступало за участие в законодательной работе Думы в целях «доставления» Сибири тех небольших преобразований, на которые можно было рассчитывать при уже определенном характере думской работы. Представители этого течения указывали, что им вряд ли удастся сделать многое для «пользы и нужд родного края», но вместе с тем считали необходимым использовать любую возможность для осуществления этой цели; 2) стояло за участие в законодательной работе Государственной думы только в целях агитационного воздействия на сибирское население. Однако большинство депутатов Сибирской парламентской группы, присутствовавшие на данном собрании, присоединились к первому, более умеренному течению. Большинство же внепарламентских членов группы вообще не высказалось по этому кардинальному вопросу. Тем не менее представители второго течения, несмотря на радикализм своих требований, не стали саботировать работу Сибирской группы и при голосовании постановлений президиума группы, совместно со сторонниками первого течения, голосовали за них единогласно [7, с. 42 — 43].

Между тем количество членов Сибирской парламентской группы продолжало увеличиваться, в конце 1907 г. — начале 1908 г. в её ряды вступили два депутата от Дальнего Востока: социал-демократ от Амурской области Ф. Н. Чиликин и депутат от амурских казаков Н. А. Маньков, они сразу же занялись вопросом о порто-франко в Приамурье. В течение работы III Государственной думы сибирские депутаты были во многих комиссиях, так в бюджетную комиссию входили Н. В. Некрасов (кадет), В. И. Дзюбинский (трудолик), Т. О. Белоусов (социал-демократ); в переселенческую — почти все сибирские депутаты; в путевую — Н. В. Некрасов; в вероисповедную — Т. О. Белоусов; в рыболовную — Н. К. Волков, Н. А. Маньков, Н. Л. Скалозубов; в комиссию по делам православной церкви — В. А. Караулов, он же входил и был председателем в старообрядческой комиссии; в комиссию по изменению действовавшего законодательства о повинностях крестьян — Т. О. Белоусов, и т.д. Таким образом, Т. О. Белоусов фактически работал в составе пяти комиссий, Н. К. Волков (2-й) — в четырех, В. И. Дзюбинский — в четырех, В. А. Караулов — в пяти, Н. А. Маньков — в двух, К. И. Молодцов — в одной, А. Г. Мягкий — в двух, Н. В. Некрасов — в трёх, Н. Л. Скалозубов — в четырёх, А. А. Скороходов — в трёх, Ф. Н. Чиликин — в одной, А. И. Шило — в одной, А. А. Войлошников — в трёх, О. Т. Климов — в трёх. Не состоял ни в одной комиссии депутат В. К. Штильке [8, с. 47 — 53; 9, с. 62 — 63].

Среди сибирских депутатов было немало ярких личностей. К таким можно отнести Василия Андреевича Караулова, родившегося в помещицкой семье в Торопецком уезде Псковской губернии в 1854 г., его

родители были потомственными дворянами. Обучаясь в Санкт-Петербургском университете, В. А. Караулов примкнул к народникам и в 1883 г., опасаясь преследований со стороны полиции, вынужден был бежать за границу, в Париж. В 1884 г. он вернулся в Россию и был арестован в г. Киеве по делу «12-ти». Военно-окружной суд приговорил его к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 4 года. Отбыв каторгу в Шлиссельбургской крепости, где он был в одной камере с Н. А. Морозовым, в 1889 г. В. А. Караулов в кандалах, с бритой головой и пешим этапным порядком был отправлен в Сибирь, на поселение в с. Усть-Уду Балаганского уезда Иркутской губернии, где под руководством своей жены-врача работал в качестве аптекаря и больничного фельдшера. В 1893 г. генерал-губернатор Восточной Сибири А. Д. Горемыкин за самоотверженную деятельность жены В. А. Караулова на сельском медицинском участке, где в борьбе против эпидемии она заразилась и чуть не умерла, перевел семью Карауловых в г. Красноярск, где он стал частным поверенным. С началом первой русской революции В. А. Караулов начал активно сотрудничать с «Союзом освобождения» и был одним из учредителей Сибирского областного союза. В 1906 г. В. А. Караулов был восстановлен в политических правах. После Манифеста от 17 октября 1905 г., он объявил себя сторонником конституционной монархии и принял деятельное участие в учреждении и организации партии кадетов в Енисейской губернии, членом ЦК которой он впоследствии и стал. В. А. Караулов выдвигался в качестве кандидата от конституционно-демократической партии и в I, и во II Думу, но неудачно. Повезло лишь с третьего раза. Не доработав до конца срока деятельности II Думы, 18 декабря 1910 г. В. А. Караулов скоропостижно скончался [10, с. 188; 11, с. 36–38].

После смерти В. А. Караулова на его место был избран Степан Васильевич Востротин, родившийся в 1864 г. в г. Енисейске в купеческой семье, его отец был известным сибирским золотопромышленником. В 1887 г. он с отличием окончил Казанский ветеринарный институт. После этого С. В. Востротин уехал в Париж и поступил в медицинскую школу с намерением впоследствии работать при Пастеровском бактериологическом институте. Однако в 1889 г. умер его отец, оставив после себя большое золотопромышленное дело, и С. В. Востротину пришлось прервать свою научную карьеру и вернуться в г. Енисейск. К тому времени он был неплохо образован, знал несколько европейских языков, имел ученую степень. В 1894 г. он вместе с капитаном Д. Виггинсом уехал в Англию, чтобы оттуда пройти Северным морским путем до г. Енисейска, в 1912–1913 г.г. повторил это путешествие с Ф. Нансеном [10, с. 126–127].

С. В. Востротин был членом конституционно-демократической партии, возглавлял ее Красноярский комитет, затем стал членом ЦК этой партии. В Государственной думе он работал в комиссиях при Сибирской парламентской группе по разработке законопроектов, затрагивающих интересы Сибири, являлся членом правления Петербургского общества изучения Сибири, старшиной Сибирского собрания, выступал с инициативой открытия Сибирского сельскохозяйственного научного центра, включавшего в себя исследовательский институт и Академию сельского хозяйства [10, с. 150].

Среди сибирских депутатов были представители и простого народа. К таким, например, относился Николай Алексеевич Маньков, родившийся в 1863 г. и

бывший потомственным амурским казаком Екатерино-Никольской станицы, куда его отец переселился из Забайкалья. Н. А. Манькову удалось окончить только курс станичной школы, он с раннего детства занимался сельскохозяйственным трудом. С 1885 г. Н. А. Маньков поступил на военную службу в Амурский пеший полубатальон, где в течение 3,5 лет он работал столяром в мастерской. После возвращения в станицу его в 1893 г. сельский сход избрал заведующим казенной соляной лавкой, также в течение 6 лет он был председателем церковно-приходского попечительства. В 1905 г. Н. А. Маньков был выбран на должность станичного атамана. По убеждениям он был беспартийным прогрессистом и присоединился к Сибирской парламентской группе с намерением работать с ней по местным вопросам (проблемы казаков он собирался решать с казачьими депутатами) [11, с. 38].

К представителям религиозных меньшинств принадлежал Фиофилакт Николаевич Чиликин, родившийся в 1876 г. в семье мещан-старообрядцев (беспоповская секта) в г. Зарайске Рязанской губернии. Высшее образование он получил в Санкт-Петербургском лесном институте. До 1902 г. Ф. Н. Чиликин работал на территории Европейской России, после чего был переведен в Амурскую область старшим таксатором при земельно-устроительной партии по образованию переселенческих участков. К моменту избрания в Думу ему удалось занять должность производителя работ той же партии. По своим убеждениям Ф. Н. Чиликин был социал-демократом [11, с. 39].

Первоначально Сибирь испытывала на себе лишь переселенческую часть столыпинской реформы, землеустроительная её часть в первые годы данной реформы на Сибирь почти не распространялась. Поэтому сибирские депутаты, которые были в основном представителями оппозиционных партий, вначале сосредоточили свою деятельность на критике методов переселенческой политики правительства и почти не касались вопросов о формах собственности на землю [12, с. 88–89]. Например, в одном из своих выступлений сибирский депутат Н. Л. Скалозубов указал на то, что передвижение переселенцев в Сибирь организовано очень плохо. Он сказал, что: «Переселенческое движение по железной дороге обставлено ужасно: переселенцев везут в товарных вагонах, очень часто из открытых дверей вагонов падают и калечатся дети. Но главное несчастье — это попадание под колеса при посадке в вагоны». Ему вторил другой сибирский депутат А. А. Войлошников: «Переселенцев прямо вталкивают в вагоны... причем тут же располагаются и их скарб, пищевые продукты и пр. Здесь же они едят, здесь же происходит и стирка детского белья. Такие условия невозможны». Но и прибыв на место, переселенцы сталкивались почти с такой же проблемой. Как утверждал на одном из заседаний Государственной думы сибирский депутат А. И. Шило, большинство переселенческих дорог в Сибири были совершенно непроходимыми, он говорил следующее: «...там так делается: отмеряется 5 аршин ширины, делаются по бокам две маленькие канавки — и вот вам дорога. Говорят тамошние администраторы новоселам: если вы хотите ездить по хорошим дорогам, то можете их сами делать. По ним же (по дорогам.— Прим. автора) можно ездить только зимою, а летом по тому направлению только вороны летают» [13, с. 25–26].

Ситуация изменилась после принятия в 1910 г. «нового курса», и начиная с 1911 г., правительство внесло в Думу целый пакет законопроектов о землеустройстве в Сибири: «Об отводе переселенцам

отрубных и хуторских участков в частную собственность», «О привлечении частной предприимчивости к разработке впусе лежащих казённых земель в малонаселённых местностях», «О продаже переселенцам земельных наделов в лучших местностях Азиатской России» и т.д.

Особое недовольство сибирских депутатов вызывало то, что право на недра оставалось за государством, а крестьянин оставался не собственником, а пользователем. Их не устраивала также замена нормы надела в 15 дес. пашни и 3 дес. леса на душу мужского пола наделом, размер которого определялся бы качеством почвы, что привело бы к появлению отрезков. Также сибирские депутаты связали принятие законопроектов с необходимостью предварительной выработки целого пакета новых законов: об управлении и самоуправлении, изменении системы налогообложения, о правах коренных народов Сибири и т.д. По всем этим причинам они выработали тактику затягивания обсуждения столыпинских законопроектов о землеустройстве сибирских крестьян и инородцев. На заседании Сибирской парламентской группы сибирские депутаты сформулировали следующую линию поведения: «Нужна сильная атака со стороны сибиряков-депутатов на большинство положений законопроекта». Между тем Государственная дума постановила передать Положение о сибирском землеустройстве на заключение парламентской земельной комиссии. Та, в свою очередь, поручила его рассмотреть своей подкомиссии, которая приступила к рассмотрению данного законопроекта 3 февраля 1911 г. На этом заседании присутствовали 8 членов подкомиссии и 6 сибирских депутатов (с правом совещательного голоса). В этом же месяце семью голосами против одного эта земельная подкомиссия приняла следующее решение: «Земли сибирских крестьян и инородцев, отведенные им в надел и имеющие быть отведенными, поступают им в собственность с уничтожением титула государственной собственности». На следующих заседаниях подкомиссии началось постатейное обсуждение данного законопроекта [14, с. 112].

Однако III Государственная дума так и не приняла закона о землеустройстве в Сибири. Возможно, на это повлияла смерть П. А. Столыпина, после которой разработка этого направления затормозилось. После избрания IV Государственной думы состав земельной подкомиссии существенно обновился, в её составе было уже трое сибирских депутатов: Н. К. Волков, кадет из Томской губернии А. А. Дуров и трудовик из г. Туринска Тобольской губернии М. С. Рысев. Все они отрицательно относились к введению частной земельной собственности в Сибири. В результате этого обсуждение законопроекта о сибирском землеустройстве велось в подкомиссии неспешно. Только в марте 1914 г. эта работа завершилась. Однако вскоре Дума распустилась на каникулы, а затем началась Первая мировая война, и было уже не до столыпинских реформ. Только 29 января 1916 г. министр земледелия Наумов ходатайствовал перед председателем Думы М. В. Родзянко о рассмотрении в общепарламентском собрании законопроекта о землеустройстве крестьян Сибири. Но просьба эта так и не была выполнена.

Таким образом, сибирским депутатам, основная масса из которых находилась в оппозиции к царскому правительству и принадлежала к либерально-демократическому лагерю, удалось не допустить распространения на Сибирь законов о введении

частной крестьянской земельной собственности. Земля здесь по-прежнему осталась принадлежать государству, а крестьяне (и старожилы, и переселенцы) получали ее не в частное владение, а в пользование. Определенное влияние сибирские депутаты смогли оказать и на улучшение процесса переселения, путем отстаивания интересов, как сибиряков-старожилов, так и переселенцев. Активно работая в различных парламентских комиссиях III Государственной думы, они, тем не менее, почти до 1917 г. старались не идти на открытый конфликт с царской бюрократией. В 1917 г. часть из них (такие, например, как С. В. Востротин) поддержали Февральскую революцию и после ее поражения вынуждены были эмигрировать за границу, после чего на исторической сцене наступила совершенно другая эпоха.

Библиографический список

1. Скалозубов Н. Нужна ли Сибирская группа в Государственной думе? // Н. Скалозубов // Сибирские вопросы. — 1912. — № 23. — С. 9–13.
2. Отчет о деятельности группы сибирских депутатов второго созыва Государственной думы // Сибирские вопросы. — 1907. — № 15. — С. 29–35.
3. Проект временного устава Сибирской группы прогрессивных депутатов // Сибирские вопросы. — 1907. — № 7. — С. 29–32.
4. Приветствие из Москвы группе сибирских депутатов // Сибирские вопросы. — 1907. — № 7. — С. 30–31.
5. Возрождение Сибирской парламентской группы // Сибирские вопросы. — 1907. — № 36. — С. 2–5.
6. Первое собрание Сибирской парламентской группы // Сибирские вопросы. — 1907. — № 36. — С. 27–28.
7. В Сибирской парламентской группе [Текст] // Сибирские вопросы. — 1908. — № 1. — С. 42–45.
8. Сибирские депутаты (Немного статистики) // Сибирские вопросы. — 1911. — № 40–41. — С. 47–53.
9. Хроника // Сибирские вопросы. — 1908. — № 35–36. — С. 62–76.
10. Звезды над Енисеем (О деятельности органов власти Енисейской губернии и Красноярского края) / Сост. О. А. Пашенко; Законодательное собрание Красноярского края. — Красноярск, 1998. — 208 с. — ISBN 5-93060-001-5.
11. Родионов, И. Сибирские депутаты III Государственной думы // И. Родионов // Сибирские вопросы. — 1908. — № 2. — С. 36–40.
12. Барсуков, В. Л. Сибирские депутаты Государственной думы о форме собственности на землю / В. Барсуков // XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири. — Красноярск, 1993. — С. 88–92. — ISBN 5-230-08068-X.
13. Непомнящий, И. Новые приемы исследования Сибири / И. Непомнящий // Сибирские вопросы. — 1911. — № 23. — С. 25–28.
14. Пантелеев, В. И. Вопрос о частной собственности на землю в Сибири в Государственной думе Третьего созыва / Владимир Пантелеев // Перестройки в российской истории. — Красноярск, 1996. — С. 111–113.

САФРОНОВ Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук института фундаментальной подготовки Сибирского федерального университета, докторант кафедры истории России гуманитарного института Сибирского федерального университета. Адрес для переписки: e-mail: safronow63@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.08.2011 г.

© С. А. Сафронов

МЕДИКО-САНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ (1914 — НАЧАЛО 1918 гг.)

Рассматриваются основные направления в медико-санитарной деятельности органов городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (1914 — начало 1918 гг.).

Ключевые слова: Первая мировая война, социальные катаклизмы, городское самоуправление, медицинская деятельность, военно-санитарная деятельность.

В годы Первой мировой войны на органы местного самоуправления наряду с оказанием помощи пострадавшим от войны, управлением городским хозяйством и заботой о благоустройстве городов была возложена обязанность по заведованию медико-санитарной деятельностью. Особое внимание к вопросам медицины и санитарной части в эти годы объяснялось объективными причинами: высоким уровнем заболеваемости и смертности населения и постоянной опасностью возникновения эпидемий в связи огромным количеством призывников, следовавших через города на фронт, военнопленных и беженцев, которые размещались в городских помещениях.

Для работы многих городских лечебных учреждений — больниц, родильных домов, амбулаторий — было характерно в этот период времени сильное переполнение и огромное количество отказов в приеме лиц, нуждающихся в оказании медицинской помощи из-за отсутствия мест и ничтожно малого количества медицинского персонала. Так, например, 27 февраля 1915 г. гласные Томской городской думы постановили просить освободить всех городских врачей от призыва на войну, т.к. во время эпидемий в городе просто не хватало врачей [1]. По свидетельству газеты «Жизнь Алтая» в Барнауле после призыва на военную службу единственного врача инфекционной больницы она длительный срок не функционировала [2]. В Омске, например, если в 1914 г. было 37 врачей, то в 1915 г. их число составило только 23 [3].

В годы войны, в связи с наплывом беженцев, военнопленных, раненых и больных воинов, городские общественные управления пошли по пути открытия временных лечебных учреждений, так как средств на строительство новых больниц просто не хватало. В результате этого многие городские самоуправления ходатайствовали перед правительственными учреждениями о предоставлении пособий на указанные цели. 12 мая 1915 г. Томская городская дума возбудила ходатайство о постройке в городе силами и средствами городского общественного управления за счет военного ведомства больницы «для заразных больных военнопленных и дезинфекционную камеру с прачечной при ней». Впоследствии это ходатайство было удовлетворено и

отпущено на постройку 330 тыс. руб. [1, л. 556]. На средства городского общественного управления в феврале 1915 г. было организовано для 10 тыс. военнопленных две больницы — одна на 400 и другая, инфекционная, на 300 кроватей [1, л. 237]. В Новониколаевске для успешной борьбы с эпидемиями необходимы были новые больницы, так как существовавших не хватало, но за период 1914—1917 гг. в городе был построен только небольшой холерный барак. Под военные лазареты отводились корпуса учебных заведений и общественные здания. Для размещения больных военнослужащих и пленных городские власти прибегали к найму частных квартир. Поэтому 25 июня 1916 г. Новониколаевская городская управа ходатайствовала перед губернскими и центральными властями о выделении средств на строительство второй инфекционной больницы [4]. В Иркутске городская дума еще в октябре 1914 г. решила выделить 2000 руб. на открытие инфекционных барачков на 20 коек в связи с развитием эпидемии скарлатины [5]. В Омске 6 марта 1916 г. состоялось открытие лазарета Красного Креста на 100 кроватей, созданного на добровольные пожертвования жителей Омска и Акмолинской области [6].

Активную помощь в открытии лечебных заведений и предоставлении финансовых средств на разного рода медико-санитарные мероприятия оказывал Всероссийский союз городов. На средства союза проектировалось открыть инфекционные отделения и санитарные пункты в Томске, Барнауле, Новониколаевске, Омске, Тюмени, Иркутске и других городах [7]. В Омске местным комитетом Союза городов в 1916 г. была открыта больница на 300 коек [8]. Курганская городская дума 16 марта 1915 г. ходатайствовала перед главным комитетом Всероссийского союза городов о выдаче пособия в 50 тыс. руб. на мероприятия по предупреждению инфекционных заболеваний среди населения города, а также солдат и военнопленных, расквартированных здесь в значительном количестве [9]. В то же время курганским общественным организациям было предложено более активной участвовать совместно с городскими властями в противоэпидемических мероприятиях, а также в установлении санитарного

надзора за «наиболее уязвимым» городским населением с устройством «заразных» барачных и обсервационных пунктов в местностях, представляющих наибольшую опасность в этом отношении [10]. Таким образом, несмотря на общее увеличение объема госпитального лечения в некоторых сибирских городах, медицинская помощь населению была фактически сокращена.

При таком положении вещей представители городов для осуществления намеченных мер, а также на случай возникновения эпидемий (в частности, для устройства дезинфекционных камер и инфекционных барачных, усиления ассенизационного обхода, на закупку медикаментов и др.), использовали право ходатайствовать перед правительственными учреждениями и центральным комитетом союза городов о денежных безвозвратных субсидиях. Особое внимание обращалось на медицинское обслуживание непосредственных жертв войны. Сюда же направлялась и большая часть денежных ассигнований.

Причина неудовлетворительной организации медицинской помощи городскими самоуправлениями, за редким исключением, заключалась в нехватке денежных средств и в недостаточной организации больничного хозяйства городов. Из-за отсутствия специальных кредитов расходы на содержание больничных учреждений выделялись обычно из городского бюджета. Взимавшаяся за лечение плата, большая часть которой числилась в недоимках за неимуществами, из года в год переписывалась, пока не сбрасывалась со счета доходов как безнадежная.

При составлении годовой сметы на содержание больничных учреждений выделялось не столько, сколько действительно было необходимо, а столько, сколько можно было ассигновать без ущерба для других потребностей городского хозяйства. Результаты такой финансовой политики отрицательно сказывались на состоянии медицинской и санитарной частей, но другого выхода для городских самоуправлений закон не предоставлял. Всякое повышение ассигнований на эти цели отрицательно влияло на развитие других направлений деятельности. В результате неудовлетворительного состояния медико-санитарной части в сибирских городах были достаточно высокие показатели общей и детской смертности и распространены инфекционные заболевания.

В Новониколаевске, например, война расстроила и без того слабо развитую сеть здравоохранения. В 1916 г. на 80-тысячное население города приходилось всего две городские больницы с тремя врачами и несколько частных врачей [11]. В 1916 г. медицинские учреждения в Барнауле были представлены городской больницей на 50 коек с двумя врачами, инфекционной больницей с одним врачом, амбулаторией с фельдшерским приемом и одной аптекой. Кроме того, в городе имелось 12 частнопрактикующих врачей [12]. В Омске в 1915 г. существовала городская больница, состоявшая из пяти отделений, имелся эпидемический барак и городская амбулатория. В Тюмени имелась лишь одна городская больница на 60 кроватей и амбулатория [13]. В Кузнецке всё городское население обслуживалось в одной единственной участковой крестьянской больнице, рассчитанной для сельских крестьян, т.к. город не имел своей собственной даже «маленькой больницы». Городские власти выделяли на ее содержание всего 300 руб. в год, которых не хватало даже на самое необходимое. Как в дальнейшем резюмировала газета больница «влачит самое жалкое существование» [14]. Хуже всего дело обстояло в Тобольске, так как здесь

городской больницы не было вообще. Жители города вынуждены были получать медицинскую помощь в бесплатной лечебнице для бедных, либо в ведомственных больницах [15]. В Иркутске для инфекционных больных имелось лишь 160 коек, которых не хватало даже в мирное время [16].

Важное значение в деятельности сибирских городских самоуправлений имела санитарная работа, в развитии которой в годы войны была сделана попытка наладить более тесные связи с городским населением путем создания городских санитарных попечительств. Были проведены меры по улучшению деятельности торгово-санитарного надзора и санитарных станций. Однако деятельность городских самоуправлений в Сибири в области санитарии носила больше паллиативный характер, что объяснялось невозможностью в короткий срок существенно улучшить условия жизни. К тому же немногочисленному медицинскому персоналу было трудно бороться с различными эпидемиями, которые являлись результатом плохого санитарного состояния городов, скученности населения, острой нехватки медикаментов.

Согласно распоряжению Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, обязанности по принятию противоэпидемических мер возлагались в городах на городские управы и поэтому им предлагалось принять все зависящие меры к недопущению эпидемий, а в случае возникновения их — к скорейшей ликвидации, для чего создавались специальные городские комиссии по борьбе с эпидемическими заболеваниями [17]. В частности, в Иркутске в апреле 1915 г. был создан городской подготовительный санитарный совет, который стал привлекать к своей деятельности городские общественные силы для борьбы с антисанитарией [18]. Однако в связи с отсутствием денежных средств у города дума на заседаниях в октябре и ноябре 1915 г. приняла решение ходатайствовать хотя бы о выделении 50 тыс. руб. из средств Высочайше утвержденной комиссии по борьбе с чумой и холерой на обустройство помещений дачи «Звездочка» под инфекционные бараки и размещения дезинфекционной камеры, а также постройки новых «заразных» барачных в Глазковском и Знаменском предместьях [19]. Параллельно Иркутский комитет Всероссийского союза городов весной 1915 г. наметил ряд общих противоэпидемических мероприятий, которые заключались преимущественно в регистрации и изоляции инфекционных больных, в удалении нечистот и др. [20].

4 августа 1915 г. Тобольская городская комиссия о мерах предупреждения и борьбы с чумой постановила отпустить на противоэпидемические мероприятия городскому общественному управлению 33750 руб. [21]. Томская городская дума на заседании 28 апреля 1915 г. ходатайствовала о выдаче из государственной казны 470 тыс. руб. для принятия мер по предупреждению и борьбе с различными инфекционными заболеваниями [1, л. 404]. В Омске на заседании городской думы 27 февраля 1915 г. гласные утвердили смету расходов по «предупреждению и борьбе с могущей развиться эпидемией в г. Омске в 1915 г.» в размере 175600 руб., из которых 164 тыс. руб. предполагалось просить у Всероссийского союза городов как безвозвратное пособие. В эти мероприятия входило создание вне города обсервационного пункта, в котором прибывающие военнопленные могли быть размещены на время болезни [17, л. 148].

Но, несмотря на принимаемые меры, эпидемиче-

ские заболевания в некоторых городах принимали угрожающие размеры и сопровождались массовой смертностью. В августе 1915 г. в новониколаевских городских больницах появились первые больные холерой. Очагом распространения холеры и других кишечных заболеваний (брюшного тифа, дизентерии) были реки Каменка и Обь, загрязненные сточными водами [4, с. 210]. При отсутствии водопровода, имевшиеся 3 артезианских колодца не могли обеспечить город доброкачественной водой. На окраине воду брали прямо из рек. По официальным данным, в 1915 г. в городе болело холерой, брюшным тифом и дизентерией около 2000 чел., умерло 400 чел. [4, с. 210]. Но уже к августу 1916 г. ситуация в городе немного изменилась к лучшему, что было связано с устройством 3 новых колодцев и 2 были в стадии завершения, в увеличении ассенизационного обоза, в строительстве «заразного» барака на 76 коек, прачечной и бани [22]. В Иркутске после появления военнопленных и беженцев, проявилась угроза занесения тифа и холеры. В связи с чем городские власти просили у Кузнецовской больницы предоставить ей барак для больных скарлатиной, уплачивая больнице по 65 коп. за каждого больного в день [23]. Но вспышки эпидемических заболеваний не прекратились и в 1916 г. В Барнауле городские власти в целях предотвращения развития холерных заболеваний, которые возможны были со стороны приезжих из Новониколаевска и Камня, разрешили временно бесплатно отпускать воду населению из всех городских колодцев и некоторых частных лиц [24].

Особый аспект имела военно-санитарная работа органов городского самоуправления. В сибирских городах эшелоны призывников, проходившие через них на запад, масса пленных и беженцев способствовали распространению различных инфекционных заболеваний. Развитие эпидемий в городах обычно начиналось с железнодорожных вокзалов, всегда забитых людьми, вынужденными пользоваться питьевой водой непригодной к употреблению. Поэтому сеть противозидемических госпиталей и изоляционных пунктов, организованных городскими самоуправлениями, являлась в определенной степени своеобразным заслоном от проникновения различных инфекционных заболеваний вглубь города. Так, областной съезд представителей городов Западной Сибири выразил пожелание «...в борьбе с эпидемиями устроить на пунктах проникновения заразы таких изоляционных пунктов, которые устраняли бы возможность дальнейшего ее движения» [17, л. 222]. В связи с этим западносибирский областной комитет Всероссийского союза городов просил Тюменскую городскую думу рассмотреть вопрос об устройстве карантинно-обсервационного пункта в городе на 10 тыс. человек. Со своей стороны, городское общественное управление выразило согласие на оказание «...посильного содействия к устройству в Тюмени изоляционного пункта для пленных» [25]. Иркутская городская дума на заседании 7 апреля 1915 г. приняла решение ходатайствовать перед военным ведомством об устройстве на военно-остановочном пункте при ст. Иннокентьевской обсервационных пунктов для прибывающих военнопленных [20, л. 146].

В угрожающе антисанитарном состоянии находились помещения, занятые войсками и военнопленными, а также прилегающие к этим зданиям дворы и площади. В большинстве городов не было канализации и водопровода. В Новониколаевске, например, в проруби, где горожане брали воду, полоскалось белье инфекционной больницы. На весь

Закаменский район имелся один колодец, принадлежавший частному лицу, и жители пользовались речной водой, загрязненной навозом и мусором. В апреле 1916 г. новониколаевский городской голова сообщил губернатору, что поселок «Порт-Артур», самовольно заселенный 118 семьями рабочих и служащих, находился «...в самом антисанитарном и антигигиеническом состоянии и был очагом различных эпидемических заболеваний» [26].

Курганская городская дума на чрезвычайном заседании 16 марта 1915 г., заслушав доклад городской санитарно-медицинской комиссии, постановила выделить средства на устройство 4 новых колодцев и улучшение старых питьевых колодцев для снабжения городского населения хорошей питьевой водой [27]. Томская городская дума на заседании 2 июня 1915 г. постановила ходатайствовать перед противочумной комиссией о выдаче городу пособия в размере 150 тыс. руб. на осуществление противозидемических мероприятий: на увеличение ассенизационного обоза, дренажирование некоторых улиц города, на устройство канализации и др. [1, л. 515—516.]. Весной 1916 г. городская дума ходатайствовала перед Всероссийским союзом городов о выдаче городу пособия в сумме 27250 руб. на усиление городского ассенизационного обоза и приглашение трех санитарных врачей [28]. В Барнауле, из-за отвратительного санитарного состояния, полицейскими надзирателями предпринимались систематические обходы обывательских дворов для наблюдения за их санитарным состоянием, а также улиц, куда некоторые домовладельцы сваливали всевозможные отбросы [29].

В Канске комитет общественного здоровья произвел осмотр городских окрестностей, площадей, дворов, занятых постоем и др., которые оказались «обложены навозом, отбросами, экскрементами; на площадях жижи навоза, во дворах навоз». В результате, городская дума создала особую санитарную комиссию и постановила принять меры для немедленного ремонта городской бани, очистки и осушения улиц и др. [30]. Но и через год ситуация в Кузнецке не изменилась: «...город буквально утопает в грязи и навозе. В городе трудно достать воду, и поэтому она доставляется уже из р. Томь местными водовозами» [31].

В свою очередь губернские и городские органы власти имели право издавать обязательные постановления для горожан, связанные с вопросами городской санитарии. В Омске еще 4 августа 1914 г. было принято обязательное постановление Степного генерал-губернатора для жителей города о содержании дворов, площадей и улиц в чистоте и обязательном соблюдении санитарно-гигиенических норм [6, с. 95].

После Февральской революции 1917 г. городское хозяйство сибирских городов пришло в еще больший упадок, что отразилось и на их медико-санитарной деятельности. Городские самоуправления остались один на один с этой проблемой, и к тому же денежные средства на медико-санитарные мероприятия власти вынуждены были изыскивать самостоятельно. В июле 1917 г. Иркутский комитет Всероссийского союза городов сообщил городской думе, что смета Всероссийского союза городов на санитарные и противоиные мероприятия на первое полугодие 1917 г. утвержденным правительством. В частности, для Иркутска предполагалось устройство «заразных» барачков на 200 коек, химико-бактериологической лаборатории, камеры, бани, ассенизационного обоза и ручной прачечной [16, л. 134]. Однако это было только на бумаге. В ре-

альности всё выглядело иначе. Так, например, в сентябре 1917 г. медико-санитарное бюро Иркутска докладывало городской думе о временном закрытии городской санитарно-гигиенической лаборатории, которая следила за качеством питьевой воды и обследовала пищевые рынки, что связано с «критическим положением городских финансов» [32]. И такое было характерно для всех крупных городов Сибири. В уездных городах дело обстояло еще хуже, т.к. тех доходов, которые поступали в городской бюджет, хватало только на покрытие расходов, связанных опять же с военными обстоятельствами (расквартирование воинских частей, военнопленных, размещение беженцев и др.).

Таким образом, несмотря на всю сложность сложившейся ситуации, органы городского самоуправления в Сибири по-прежнему уделяли огромное внимание медико-санитарной деятельности, что объяснялось объективными причинами: высоким уровнем заболеваемости и смертности населения и постоянной сложностью возникновения эпидемий в городах. Несмотря на финансовые затруднения, которые испытывали сибирские города в связи с военными обстоятельствами и процессом формирования новой государственной власти в период социальных катаклизмов, городские власти изыскивали в ущерб других статей расходов средства и продолжали финансировать медико-санитарные учреждения, всё больше опираясь на помощь общественных организаций.

Библиографический список

1. ГАТО. Ф. Ф-127. Оп. 1. Д. 2969. Л. 278.
2. Жизнь Алтая. — 1915. — 29 июня.
3. Обзор Акмолинской области за 1915 год. — Омск, 1917. — С. 65.
4. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. — Новосибирск : Наука; Сиб. издательская фирма, 1993. — С. 103.
5. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 5495. Л. 323.
6. 1000 знаменательных событий из истории Омска, 1917 — 1996 : К 280-летию юбилею Омска. — Омск, 1998. — С. 98.
7. Известия Томского городского общественного управления. — 1916. — № 2. — С. 114.

8. Известия Томского городского общественного управления. — 1916. — № 6. — С. 72.
9. ТФ ГАТюмО. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1306. Л. 58.
10. ГАКО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
11. Горюшкин, Л. М. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX — начало XX века) / Л. М. Горюшкин, Г. А. Бочанова, Л. Н. Цепляев. — Новосибирск : Наука; Сиб. отд-ние, 1978. — С. 210.
12. ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.
13. Клячкин, В. Е. Сводка материалов анкетных листов / В. Е. Клячкин // Вестник Омского городского общественного управления. — 1915. — № 6—7. — С. 12.
14. Сибирская жизнь. — 1916. — 19 августа.
15. Козьмин, М. И. Врачебно-санитарное дело в городах Западной Сибири / М. И. Козьмин // Вестник Омского городского общественного управления. — 1915. — № 6—7. — С. 20.
16. ГАИО. Ф. 70. Оп. 4. Д. 5. Л. 135.
17. ГАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 28. Л. 206.
18. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 5931. Л. 374.
19. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 5929. Л. 221.
20. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 5926. Л. 143.
21. ТФ ГАТюмО. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1276. Л. 395.
22. ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 172. Л. 198.
23. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 5933. Л. 63.
24. ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 19. Л. 154.
25. ТФ ГАТюмО. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1277. Л. 264.
26. ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 203. Л. 27.
27. ТФ ГАТюмО. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1306. Л. 57.
28. ГАТО. Ф. Ф-127. Оп. 1. Д. 2982. Л. 178.
29. Жизнь Алтая. — 1915. — 1 мая.
30. Сибирская жизнь. — 1915. — 30 апр.
31. Сибирская жизнь. — 1916. — 6 авг.
32. ГАИО. Ф. 70. Оп. 4. Д. 103. Л. 43.

ЧУДАКОВ Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения.
Адрес для переписки: e-mail: chudakov55@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 09.02.2011 г.

© О. В. Чудаков

Книжная полка

ББК 63.3(2)/З-93

Зуев, М. Н. История России : учеб. пособие для бакалавров по дисциплине «Отечественная история» для вузов неист. специальностей / М. Н. Зуев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2012. — 655 с. — ISBN 978-5-9916-1557-0.

В учебном пособии в сжатой форме излагаются основные этапы развития российской государственности с древнейших времен до наших дней, освещаются проблемы как государственно-политического, социально-экономического и внешнеполитического развития нашего Отечества, так и ключевые вопросы истории российской культуры. Важным дополнением служат приведенные в тексте схемы и хронология событий. Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту ВПО третьего поколения. Для студентов технических вузов и факультетов университетов естественнонаучного профиля, а также для широкого круга читателей, интересующихся отечественной историей.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА О КРЕСТЬЯНСКИХ НАЧАЛЬНИКАХ В СИБИРСКОМ СОЦИУМЕ ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНОЙ ПРЕССЫ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

В данной статье прослеживается формирование института крестьянских начальников в материалах местной прессы в конце XIX — начале XX веков, а также изменение его во времени.

Ключевые слова: крестьянские начальники, местная пресса, сибирский социум.

Цель данной статьи — проследить формирование института крестьянских начальников в материалах местной прессы в конце XIX — начале XX вв.

Институт крестьянских начальников был представлен в местной прессе в конце XIX — начале XX веков, так как «на страницах периодической печати находили отражение важнейшие события социально-экономической и общественно-политической жизни Российской империи и её отдельных местностей». В местной прессе публиковались официальные сведения о назначении чиновников губернских управлений, а также приказы и постановления начальников губерний [1]. Функция газетной периодики — «выражение общественного мнения и структурирование общества» [2].

Автором были использованы общественно-политические газеты либерального направления: «Сибирская жизнь», «Сибирская торговая газета», «Сибирский листок», «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни», а также газеты «Россия», «Речь», «Жизнь Алтая», «Современное слово», где печатались многочисленные материалы по актуальным проблемам Западной Сибири, прежде всего, развития экономики, торговли, культуры, много места отводилось важным событиям региона. Самой распространенной и влиятельной газетой в дореволюционной Сибири была общественно-политическая газета «Сибирская жизнь», издававшаяся в Томске в 1894–1919 годах, тираж которой к 1909 году составлял около 9 тыс. экземпляров, а во время Первой мировой войны, по данным историков, доходил до 25 тыс. экз. [3]. Остальные приведенные выше газеты значительно уступали по численности экземпляров. Так, например, тираж «Сибирского вестника политики, литературы и общественной жизни» в первый год издания не превышал 500 экземпляров, в 1887 достиг 1282, в 1888–1537, в 1889–1788 экземпляров. В последующие годы тираж составлял около 3 тысяч экземпляров [4].

Потенциальными «сибирскими читателями» были образованные люди региона. По данным «Азиатской России», по переписи 1897 года в Сибири грамотных среди мужчин насчитывалось 19,2 % и среди женщин 5,1%, всего 24,3 % [5, с. 258]. В Западной Сибири на 1 тыс. человек приходилось 108 грамотных [6], что со-

ставляло 10,8 %. Основная часть образованных — это городское население, а крестьянство, в большинстве случаев, было безграмотное, в силу недостатка учебных заведений, их удаленностью от сельских поселений и отсутствием у них финансовой возможности к дорогостоящей учебной деятельности [7]. «Малочисленный, малограмотный, с низким уровнем культурного, эстетического, общественного развития, с небольшим достатком, сибирский читатель был достаточно сложной аудиторией, с которой работали издания Сибири» [6]. К 1911 году обучавшихся во всех четырех высших и средних учебных заведениях Сибири насчитывалось 2849 человек (из которых 232 были женщины) и 2056 человек соответственно [5, с. 253].

Таким образом, сопоставляя тираж местной прессы с количеством людей с высшим и средним образованием в Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков, можно прийти к выводу, что фактически количество выпускаемых газет было достаточным для потенциального «сибирского читателя». Однако сельские обыватели по-прежнему в большинстве случаев оставались вне этого списка. Несмотря на это, материалы местной прессы играли огромную роль в информировании населения о тех или иных преобразованиях и нововведениях. Местная пресса на рубеже веков оставалась одним из немногих каналов информирования населения о политических изменениях и обнародования законов.

Материалы о крестьянских начальниках в сибирском социуме можно разделить на две большие группы: официальные и неофициальные.

К официальным материалам следует отнести документы, нормативно-правовые акты, сообщения о назначении на должность крестьянских начальников, существующие параллели с другими действующими законами. Все официальные материалы публиковались на первых полосах газет.

Не стал исключением и текст «Временного положения о крестьянских начальниках от 2 июня 1898 года», который, однако, местная пресса не спешила обнародовать. Сначала в «Сибирской торговой газете» появилась информация о принятии положения о «крестьянских учреждениях в Сибирских губерниях», во главе с крестьянскими на-

чальниками [8]. Сам текст временного положения был опубликован в газете «Сибирская жизнь» лишь 11 августа 1898 года, затем продублирован в газетах «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» и «Сибирский листок» 12 и 23 августа 1898 года соответственно (табл. 1).

Интересно, что редакции газет, несмотря даже на то, что с большим опозданием обнародовали столь важные для Сибири преобразования, не спешили преподнести «сибирскому читателю» весь текст временного положения, а предпочитали разбить его на 7, 8 или даже на 13 газетных номеров местной прессы (табл. 1).

В лице крестьянских начальников общество ожидало увидеть «добросовестных и дельных советников, истолкователей нужд крестьян, их ходатаев и защитников их интересов» [9]. Общество надеялось, что крестьянские начальники со своими «много трудными» и «ответственными перед законом и совестью обязанностями», требовавших от них «самого всестороннего изучения крестьянской жизни», заслужили бы такую же благодарность от населения, какой пользовались некоторые из их предшественников — чиновников по крестьянским делам — писала «Сибирская жизнь» [10]. Редакция этой газеты пожелала, чтобы крестьянские начальники «принесли действительную пользу далеко еще не устроенному сибирскому крестьянству, с успехом поработали бы над его хозяйственным благоустройством и позаботились бы о нравственном преуспевании темного населения сибирской деревни... [11]».

После обнародования временного положения газета «Сибирская жизнь» отразила последовательность введения института крестьянских начальников вплоть до 15 декабря 1898 года — именно с этого

момента они приступили к исполнению своих служебных обязанностей [12].

Список крестьянских начальников, назначавшихся на должности согласно реформе, вводимой в Сибири с 15 декабря 1898 года, был опубликован 11 декабря 1898 года в газете «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» и 12 декабря 1898 года газете «Сибирская жизнь» (табл. 1).

В общем присутствия Томского губернского управления по крестьянским делам 15 декабря 1898 года состоялось заседание об открытии в Томской губернии крестьянских учреждений, преобразованных по закону 2 июня 1898 года. В этот же день открылись преобразованные крестьянские учреждения в Тобольской губернии [10].

В статьях местной прессы делались попытки сравнения закона о введении крестьянских начальников в Сибири с действовавшим уже в то время законом 12 июля 1889 года о земских начальниках. Пытались определить значимость введения института крестьянских начальников для далеко еще не устроенного сибирского крестьянства, ожидали от крестьянских начальников действительную пользу для сельских обывателей. Из трех газет: «Сибирский вестник политики литературы и общественной жизни», «Сибирский листок» и «Сибирская жизнь», общественность в лице редакций первых двух газет проводила параллель между положением 12 июля 1889 года о земских начальниках и временным положением 2 июня 1898 года о крестьянских начальниках, благодаря которой было выявлено, что «разница между институтами крестьянских и земских начальников все-таки представляется весьма существенной», что реформа не являлась «простым проектом

Таблица 1

Информация о крестьянских начальниках в местной прессе в первые годы деятельности

1898 год			
Название материала	«Сибирская жизнь» (1894 – 1919, Томск)	«Сибирский вестник политики литературы и общественной жизни» (1885 – 1905, Томск)	«Сибирский листок» (1890 – 1919, Тобольск)
1. Текст Временного положения от 2 июня 1898 года	№ 170 (11 августа) С.2. № 171 (12 августа) С.1. № 173 (14 августа) С.1. № 175 (18 августа) С.2. № 176 (19 августа) С.1. № 177 (20 августа) С.1. № 178 (21 августа) С.1. № 180 (23 августа) С.1.	№ 173. (12 августа) С. 2. № 174. (13 августа). С.2. № 175. (14 августа). С.2.; № 176. (15 августа). С.3. № 178. (19 августа). С.2. № 179. (20 августа). С.2. № 180. (21 августа). С.2, 3. № 181. (22 августа). С.2, 3. № 183. (25 августа). С.2. № 184. (26 августа). С.2. № 185. (27 августа). С.2. № 186. (28 августа). С.2. № 190. (3 сентября). С.2.	№ 66. (23 августа) С.1 № 67. (27 августа) С.1 № 68. (30 августа) С.1. № 69. (3 сентября). С.1. № 70. (6 сентября) С.1. № 71. (10 сентября) С.1. № 73. (17 сентября) С.1.
2.Список крестьянских начальников, назначавшихся на должности по Томской губернии с 15 декабря 1898 года	Опубликован 12 декабря	Опубликован 11 декабря	-----
3.Параллель между институтом крестьянских начальников и институтом земских начальников	-----	10 сентября	16 августа
1899 год			
5. Деятельность крестьянских начальников	17 августа	-----	
6.Информация о введении института крестьянских начальников в других областях	11 сентября 3 марта	-----	-----
7. Уездные съезды крестьянских начальников	11 февраля 11 апреля 11 ноября 16 ноября	10 февраля 13 марта	-----

распространения Положения 1889 года, хотя бы и под другим названием», а представляло «попытку ввести его на восточной окраине с некоторыми вещественными изменениями [13]» (табл. 1).

О деятельности института крестьянских начальников писали и в последующие годы. Так, например, в 1899 году появилась информация о введении института крестьянских начальников в других областях, о их деятельности, их уездных съездах (табл. 1).

Позднее, к 1900 году, появлялись различные статьи, касающиеся деятельности крестьянских начальников, а также результаты произведенных ревизий. Так, например, 8 января 1900 года в газете «Сибирская жизнь» появилась заметка, что переселенческим управлением командировалось «особое лицо» для ревизии делопроизводства по переселенческому делу у крестьянских начальников Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний [14]. А уже 24 марта 1900 года в этой же газете опубликованы некоторые выдержки из приказа губернатора, которые касались «недостатков этого нового в Сибири института», выявленных при произведенной в одном из уездов ревизии крестьянских учреждений [15]. Отмечалось, что некоторые крестьянские начальники не вели денежных книг, самостоятельно разрешали обществам производить расходы из сумм, хранящихся в государственных сберегательных учреждениях, что некоторые крестьянские начальники в очень редких случаях производили лично проверку жалоб на действия должностных лиц крестьянского общественного управления, поступавших к ним [15].

Таким образом, институт крестьянских начальников нашел свое отражение в материалах местной прессы, которые представляли собой последовательную цепь введения института крестьянских начальников в Западной Сибири на рубеже веков. Уже через месяц после официального опубликования общество, посредством местной прессы стало анализировать временное положение о крестьянских начальниках с целью провести параллели между институтом крестьянских начальников в Сибири и земских начальниках в Центральной России [11]. Авторы статей пытались проанализировать эти два закона, сопоставить их между собой. Чуть позднее, после проведения первых ревизий делопроизводства крестьянских начальников, обсуждались в местной прессе «недостатки нового в Сибири института» [15]. Это дает нам возможность говорить о

том, что не только деятельность и нормативно-правовые акты интересовали общественность, но уже делались попытки проанализировать, сопоставить, наконец, определить степень важности введения в Сибири нового института, его недостатки.

К «неофициальным» материалам можно отнести заметки в местной прессе о деятельности крестьянских начальниках (табл. 2). Например, деятельность крестьянского начальника 6 участка Каинского уезда Томской губернии Хабарова отражена в статье «О чем печется г. Хабаров» в газете «Россия» за 1901 год. В ней говорилось, что крестьяне села Миргородского Каинского уезда обратились к крестьянскому начальнику с ходатайством об отдаче им в арендное содержание запасного переселенческого участка «Казанского», на котором они собирались заготовить сена для скота, то получили приказание «убираться восвояси». Крестьяне были поставлены в такое положение, что «должны были распродать за бесценок свои 3000 штук скота, чтобы не позволить пасть ему от бескормицы». «Так вот о ком печется Хабаров: Хабаров печется о Хабарове и думается, не напрасно ли он называется крестьянским начальником, если поступает только как конкурент крестьянский...» [16], — иронизировал корреспондент газеты «Россия».

В статье «На заимке» газеты «Современное слово», которая строилась в форме эмоционального диалога между человеком, «живущим на заимке», и редакцией газеты, усматривалась растрата Хабаровым 12700 рублей из сумм Алексеевского комитета о раненых. Это вызывало дополнительное возмущение сельского общества. Хабаров понимал незаконность таких действий, так как однажды за растрату старостой 30 рублей общественных денег в Савинском сельском управлении посадил его на 3 месяца, даже после того, как тот вернул все деньги. «За 30 рублей на 3 месяца. Хабарова по этой таксе следовало бы на 100 лет в тюрьму упрятать», — смеялся человек, «живущий на заимке». Но в наказании самого Хабарова общественность очень сомневалась: «Хабаров — патриот местный, и как дальше его дело обернется, покрыто неизвестностью». Сельские обыватели все-таки надеялись, что на Хабарова найдется управа и, может, «и в самом деле легче жить будет и обид меньше будет и школу построим...» [17].

В статье «Странная покупка» газеты «Жизнь Алтая» от 13 июня 1904 года за № 149 «здешний» написал о крестьянском начальнике 2 участка Барнаульского уезда Томской губернии Г. И. Немцове [18, л. 41], кото-

Таблица 2

	1901	1904	1905	1910	1911	1913	1914
Россия	«О чем печется г. Хабаров»						
Современное слово	«На заимке»						
Сибирский листок	«Разные известия»		«Крестьянский съезд»				
Жизнь Алтая		«Странная покупка»					
Речь				«Дело крестьянского начальника Пудовикова»		«Начальство и подчиненные»	
Сибирь					«Сибирское обозрение»		
Барнаульский уезд							«Наши новости»

рый за 160 рублей мирских денег купил летний экипаж и ездил на нем по вверенному ему участку [18, л. 45].

Редакция газеты «Речь» 20 июля 1910 года опубликовала статью «Дело крестьянского начальника Пудовикова» [19, л. 79], где он обвинялся по ст. 129 Уголовного уложения. Дело в том, что Пудовиков в 1908 году явился на гласноковский волостной сход и произнес крестьянам речь, в которой, разъясняя изданный закон о землеустройстве на Алтае, призывал не слушаться казенных землеустроителей, которые вопреки закону отводили мало земли и действовали не по закону, а по министерскому циркуляру, и обещал со своей стороны защиту и поддержку [19, л. 28]. Это, в свою очередь, привело к общественному резонансу, и 20 июля 1910 года редакция газеты «Речь», недоумевая, писала: «129-я статья! Ведь она говорит о бунте, о ниспровержении существующего строя. Как сочетать эти понятия с представляемым о земских начальниках¹, да еще где, в Барнауле, куда три года скачи, не доскачешь» [19, л. 80–81. Об. 1]. Пудовиков был оправдан, но отстранен от должности и выслан в административном порядке. «Что бы там, однако, вопреки ни было, нельзя не согласиться, что изложенное дело дает еще один яркий образец нынешней государственности» [19, л. 81. Об. 1].

В статье «Начальство и подчиненные» газеты «Речь» от 8 августа 1913 года отражено злоупотребление по службе крестьянского начальника 2 участка Томского уезда А. П. Мальцева с писарем Балычевцевым [20, л. 72]. Их деятельность также нашла свое отражение в газете «Барнаульский уезд» за № 161 от 7 июля 1911 года [20, л. 100]. В статье говорилось, что крестьянский начальник Мальцев самовольно и бесконтрольно пользовался как общественными, так и пересылаемыми крестьянами деньгами, находившимися на руках у писаря Балычевцева. Эти деньги Мальцев брал якобы взаимобразно «под жалованье», причем свое «желание» взять деньги всегда выражал в форме приказа, при этом никогда не стеснялся присутствием посторонних лиц. Когда писарь скрылся, потому что ему «надоела служба под начальством Мальцева» [20, л. 72], последний обвинил его в растрате 3000 рублей и для «сохранения корпоративной чести предложил» съезду волостных писарей внести по 125 рублей с каждого. В статье газеты «Барнаульский уезд» появилась заметка о рассмотрении иска волостного писаря Балычевцева. Причем из толпы обывателей в адрес крестьянского начальника Мальцева, который не явился на суд, часто слышались возгласы: «Будет уже ему обкрадывать нас! Довольно! Насадили мошенников! Под суд!» [20, л. 100]. Следовательно, к 1911 году сельские обыватели уже сполна натерпелись от крестьянских начальников и не скрывали недовольство.

Также в местной прессе нашли отражение так называемые «неблаговидные поступки» [21] крестьянских начальников. Так, в газете «Сибирь» 12 января 1911 г. была опубликована статья, в которой говорилось о пьянстве и буйстве крестьянского начальника Барсукова, которым не было предела. Он в совершенно пьяном виде в училище в присутствии учительницы произносил «не поддающееся перу и не печатающиеся слова», бил посуду на земской квартире и разгуливал в «костюме Адама» [22]. Эти его «подвиги» не оставались без внимания и находили отражение в местной прессе.

Таким образом, в материалах местной прессы была достаточно эмоционально представлена служебная деятельность крестьянских начальников. Из представленного круга статей можно проследить,

что общество интересовала не только финансовая деятельность крестьянских начальников, их «заимствования для собственных нужд» из вверенных по службе денег, а их безнаказанность. Так, говоря об обвинении крестьянского начальника Хабарова в растрате 12700 рублей из сумм Алексеевского комитета о раненых, общество не сомневалось в его безнаказанности. Негативное отношение сельских обывателей к институту крестьянских начальников во многом зависело от деятельности и поступков последних и уже к 1911 году выразилось в открытых общественных высказываниях, в которых вообще ставился вопрос о целесообразности института крестьянских начальников. А вопиющие «неблаговидные поступки» некоторых крестьянских начальников, их безнаказанность и произвол еще больше порождали недоверие и пренебрежение сельских обывателей к власти в целом.

Исследовав опубликованные материалы в местной прессе в конце XIX — начале XX веков, касающиеся института крестьянских начальников в сибирском социуме, можно сделать вывод, что до 15 декабря 1898 года преобладали «официальные» материалы, то есть публиковались законы, распоряжения о введении института крестьянских начальников, о разграничении крестьянских участков и т. д. Начиная с 1900 года в местной прессе стали появляться, а затем и преобладать материалы о «злоупотреблениях по службе», «неблаговидных поступках», «о позаймствованиях, вверенных по службе денежных сумм» и другая информация о служебной деятельности крестьянских начальников. Это дает нам возможность говорить о том, что местная пресса на рубеже веков, публикуя данные материалы, считала введение института крестьянских начальников важным для сибирского социума. А так как посредством местной прессы происходило выражение общественного мнения, то, следовательно, и само общество осознавало значимость проводимых реформ. Причем не только деятельность и нормативно-правовые акты интересовали общественность, но уже делались попытки проанализировать, сопоставить, наконец, определить степень востребованности введения в Сибири нового института, его недостатков.

Примечания

¹ Редакция газеты «Речь» называла крестьянского начальника 7 участка Барнаульского уезда Пудовикова «земским начальником», скорее всего, стараясь подчеркнуть близость этих двух институтов.

Библиографический список

1. Гермизеева, В. В. Высшая администрация Западной Сибири (1905–февраль 1917) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Гермизеева. — Омск, 2004. — С. 14.
2. Румянцева, М. Ф. Исторические источники XVIII — начала XIX века [Электронный ресурс] / М. Ф. Румянцева — С. 464. — URL: <http://www.historichka.ru/materials/istochnikovvedenie/10.html> (дата обращения: 14.02.2012.).
3. Жилиякова, Н. В. Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894 — 1919, г. Томск) [Электронный ресурс] / Н. В. Жилиякова // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 3 (7). — С. 102. — URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/fil/07/image/07-102.pdf> (дата обращения: 28.02.2012).
4. Косых, Е. Н. Сибирский Вестник [Электронный ресурс] / Н. М. Дмитриенко // Томск от А до Я: краткая энцикл. города. — 2004. — URL: <http://book.libtorrent.com/viewtopic.php?p=44824> (дата обращения: 28.02.2012).
5. Турчанинов, Н. В. Население Азиатской России. Стати-

стический очерк / Н. В. Турчанинов [Текст] // Азиатская Россия. — СПб., 1914. — С. 258.

6. Жилиякова, Н. В. Введение «чужого текста» в структуру провинциальной газеты: цели, способы, источники перепечаток [Электронный ресурс] / Н. В. Жилиякова // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. — 2011. — Вып. № 3. — URL: <http://mediascope.ru/node/895> (дата обращения: 28.02.2012).

7. ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области). Ф. 47. Оп. 1. Д. 2. Л. 104. Об. 1.

8. Сибирские вести: законопроекты о промысловом налоге и крестьянских учреждениях в сибирских губерниях // Сибирская торговая газета. — 1898. — 14 июня (№ 129). — С. 3.

9. К предстоящему введению института крестьянских начальников // Сибирская жизнь. — 1898. — 29 сентября (№ 207). — С. 1.

10. Томская хроника: сегодня должно состояться заседание общего присутствия губернского управления по крестьянским делам // Сибирская жизнь. — 1898. — 15 декабря (№ 268). — С. 2.

11. По поводу нового закона о крестьянских начальниках // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. — 1898. — 10 сентября (№ 195). — С. 2.

12. Томская хроника: преобразование в Томской губернии. // Сибирская жизнь. — 1898. — 28 ноября (№ 254). — С. 3.

13. В четырех губерниях Сибири... // Сибирский листок. — 1898. — 16 августа (№ 64). — С. 1.

14. Томская хроника // Сибирская жизнь. — 1900. — 8 января (№ 5). — С. 3.

15. Хроника Сибири: недочеты института крестьянских начальников // Сибирская жизнь. — 1900. — 24 марта (№ 67). — С. 2.

16. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1291. Оп. 30. Д. 45. Л. 2.

17. РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 43. Л. 66.

18. РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 95.

19. РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 16.

20. РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 29.

21. Главное управление Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 479. Оп. 2. Д. 74. Л. 13.

22. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 335. Оп. 1. Д. 1232. Л. 23.

ГИЛЬДЕНБЕРГ Виталий Николаевич, аспирант кафедры отечественной истории, администратор исторического факультета Омского государственного педагогического университета.

Адрес для переписки: e-mail: Gildenvit@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 06.03.2012 г.

© В. Н. Гильденберг

УДК 329.05 : 328 : 342.8 (571.1) (09)

М. А. КАЛИНИНА

Омский государственный
аграрный университет
им. П. А. Столыпина

СОСТОЯНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РФ 1993 ГОДА

Исследование посвящено анализу состояния демократических сил, действующих на территории Западной Сибири в течение 1993 года. Характеризуя деятельность демократического движения, автор указывает причины возникшего организационного кризиса и внутривыборного раскола. Отмечено влияние результатов выборов в Госдуму РФ 1993 года на расстановку основных политических сил.

Ключевые слова: демократическое движение, организационный кризис, внутривыборный раскол.

Начало политического сезона 1993 года характеризовалось рядом новых моментов. Несмотря на очевидный рост активности организаций демократической ориентации, становилось ясно, что их реальное влияние в регионах падает. В сложной ситуации оказались партии центристской и правоцентристской ориентации. В частности, Республиканская партия РФ, которой нужно было выбирать заново свое место в политическом поле.

Организационный кризис в 1993 году и спад численности членов омского отделения РПРФ вызваны несколькими причинами. Во-первых, в это время наблюдается постепенный отход от Демократической России

(ДемРоссии) в связи с изменением ориентацией РПРФ на представителей бизнеса и фермеров. Во-вторых, РПРФ переживает кризис и после создания в Омске Демократического Выбора России (ДВР), несмотря на то, что сама являлась его инициатором. В-третьих, не принесло успеха выдвижение представителя партии С. Арбузова в качестве кандидата от блока «Панфилова — Гуров — Лысенко» [1]. Таким образом, численность омских республиканцев не оправдала ожидания ее лидеров, вышедших из КПСС. Если в 1992 году их насчитывалось около 200 человек, то в сентябре 1993 года насчитывался 41 человек, а в декабре — 28 человек.

Осенью 1993 года образовался раскол и внутри

томского отделения РПРФ. Причина его заключается в том, что, во-первых, ряд руководителей томских республиканцев дистанцируется от представителя Президента и лидера местных республиканцев С. Сулакшина, укрепляя отношения с Томским народным движением (ТНД). Во-вторых, большинство членов организации, как и в Омской области, перешло в созданную партию ДВР. В-третьих, в предвыборной кампании 1993 года представители томского отделения РПРФ вошли в блок «Выбор России» [2]. Вызванный раскол демократов также отразился и на рядах самих партийцев. Если в 1990–1991 годы в рядах местного отделения насчитывалось 290 человек, то к концу 1993 года наблюдается спад его численности до 50 человек.

В результате получается, что, по существу, в Томске одни и те же лица фигурируют под тремя разными названиями: ДемРоссии, РПРФ, коалиции «Солидарность и реформы», действующая фактически только в период предвыборных кампаний. Эта способность выступать одновременно в разных партиях свидетельствует, с одной стороны, о большой энергии относительно небольшого круга лиц, а с другой — об отсутствии хотя бы одной партии с большой и прочной социальной базой.

Так, ДемРоссия, превратившаяся из блока партий в общественно-политическую организацию, так же как и РПРФ, быстро теряла вес в политическом спектре Западной Сибири. С 1993 года омское отделение ДемРоссии переживает кризис, связанный с созданием сначала «Выбора России», а впоследствии ухода большинства активистов в ДВР [3].

Достаточно слабую структуру имеет алтайское отделение ДемРоссии, которое практически не обладает авторитетом в крае. Руководство партии пытается сотрудничать с «Выбором Алтая», но оно заключается в основном в поддержке кандидатов на выборах в краевую и городскую думы. В Томске распад ДемРоссии также привел к расколу демократических сил. В результате этого произошло организационное размежевание партийных блоков «Выбор России» и более радикальной ДемРоссии, и началась консолидация оппозиционных сил — коммунистов и «патриотов». Среди остальных организаций ДемРоссии Западной Сибири, можно отметить лишь новосибирскую организацию. Она действовала очень активно, пользуясь большим авторитетом в области, который проявился в очень высоком рейтинге ее лидера А. Мананникова.

Возлагая особые надежды на блок «Выбор России», который считался тогда «партией власти», руководство ДемРоссии активно способствовало его формированию. Однако демократы «новой волны» из числа преуспевающих бизнесменов, политиков, деятелей культуры, не стремились к единению с «демороссосской» массовой, поэтому в дополнение к блоку возникло еще и движение «Выбор России», что фактически привело к параллельному выдвижению кандидатов от трех структур — ДемРоссии, блока «Выбор России» и движения «Выбор России» [4].

В этой «конструкции» возникло большое внутренне напряжение, которое пронизывало эти организации снизу доверху. Создание сразу по две параллельные организации наглядно демонстрировало раскол демократических сил, особенно остро проявившийся в Новосибирске между лидерами двух течений — А. П. Мананниковым и А. Н. Манохиным. Так, когда А. Мананников не попал в список кандидатов в депутаты от блока «Выбор России», группа его сторонников провела свою конферен-

цию, на которой была учреждена параллельная местная организация «Выбора России», естественно, с другими лицами во главе списка. Этот конфликт получил дальнейшее развитие в области.

Процесс развития партийных организаций Демократической партии России (ДПР) и Социал-демократической партии России (СДПР) также не привел к созданию сильных структурированных организаций. Численность организаций таяла, а их вес в общественной жизни стремительно приближался к нулю. Например, алтайское отделение ДПР, которое вошло в краевую организацию ДемРоссии, вырождается вместе с ней. Томское отделение предприняло попытку своего участия на декабрьских выборах 1993 года, но единственный его кандидат И. Я. Шейерман потерпел поражение.

В 1993 году пережила организационный раскол и СДПР, который был связан с выходом из нее группы бывшего организатора партии О. Г. Румянцева. В результате этого СДПР оказалась расколота на три основные группировки — сторонников бывшего председателя партии А. Г. Голова, последователей фракции «Объединенные социал-демократы» в лице П. М. Кудюкина, А. М. Оболенского и Н. И. Пустоветова, а также на группировку председателя партии С. В. Белозерцева [5]. Таким образом, причину того, что СДПР быстро утратила прежние позиции, следует искать в идейной разобщенности и внутреннем кризисе, развившемся вместе с ней.

По-прежнему остается малочисленной организация в Омской области, насчитывая всего около 20 человек. Лишь летом, после того как к политической деятельности вернулся лидер омских социал-демократов А. Бабенко, можно отметить некоторое оживление организации. Во многом благодаря его инициативе в Омске появился общественно-политический клуб «Диалог» и Омский народный фронт. Однако фактически СДПР в Омске никак себя не проявляла, и можно с уверенностью утверждать, что к концу года она перестала существовать. Полностью распалось к этому времени и томское отделение СДПР. Лишь в Новосибирской области партия провела весьма активно предвыборную кампанию в ГД РФ в составе блока «Яблоко», что позволило ей закрепить свои позиции [6].

Плавно эволюционировала в процессе развития Народная партия Свободная Россия (НПСР) от умеренного социал-демократизма к жесткому национал-державничеству. Рубиконом здесь явились октябрьские события 1993 года, в преддверии которых партия практически полностью превратилась в «группу поддержки» А. В. Руцкого и Р. И. Хасбулатова, после чего фактически раскололась.

Существовали проблемы развития НПСР и на местах. Так, омская организация НПСР, насчитывающая к концу 1993 года около 10 человек, делает ставку на молодежь. Но молодежное движение было немногочисленным, а его работа носила локальный характер. Подобно Новосибирской области, по инициативе омского отделения создается новый партийный блок «Прогрессивный центр», в который захотели войти местные социал-демократы, социал-либералы, движение «За демократию и реформы» и региональная организация РПРФ [7]. Однако, как только НПСР заручилась поддержкой местных организаций, они проигнорировали призывы к объединению. В результате чего из четырех предполагаемых политических партнеров в блоке оказались всего два — республиканцы и ружиксты, которые намерены блокироваться не в целом, а по отдельным

вопросам, интересующим обе стороны. Не имеет определенной социальной базы и тенденции к развитию алтайское отделение НПСР. Отсутствует какая-либо информация о существовании НПСР в Томской и Кемеровской областях.

Лишь в Новосибирске НПСР является одной из самых влиятельных региональных организаций, насчитывающая около 95 членов. Партия принимала активное участие в разработке экономической платформы Гражданского Союза, представленная на рассмотрение Верховному Совету России. Очень важной новосибирское отделение считает работу над решением социально-экономических проблем города и области. Неоднократно организация выступала против неконструктивных действий радикалов всех мастей (и левых, и правых), стремящихся с помощью надуманных референдумов уничтожить то хрупкое согласие, которое намечалось к концу 1992 года [8].

Фактически с нуля создавали свою Партию российского единства и согласия (ПРЕС) молодые вице-премьеры С. М. Шахрай, А. Н. Шохин и их единомышленники. ПРЕС позиционировала себя как одна из «партий власти», но, в отличие от «Выбора России», относит себя к более умеренной. Осенью началась работа по созданию ее структур в регионах. С этой целью вице-премьер С. М. Шахрай посетил Новосибирск, Барнаул. Однако, несмотря на все усилия лидера, ПРЕС заметного влияния на политическую жизнь Западной Сибири оказать не смогла.

Несмотря на то, что сентябрь 1993 года начался в ожидании решительных действий президентской стороны, появление Указа «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» Президента РФ №1400 застало политические круги врасплох. В отличие от оппозиции, демократические организации Сибири не проявляли повышенной активности, действовали разобщенно и вяло. Попытка выступить единым фронтом в поддержку шагов Президента предприняли демократические силы Томска (ДемРоссия, РПРФ, оргкомитет коалиции «Солидарность и реформа») и Кузбасса, но все ограничилось лишь заявлениями в СМИ.

Особняком, но весьма скоординированно, отреагировали на события региональные организации НТС, которые к этому времени уже действовали в Барнауле, Кемерово, Омске и Новосибирске. Численность западносибирских организаций незначительна и насчитывала от 5 до 15 человек. Наибольшее влияние в политическом спектре имела барнаульская организация [9]. На состоявшемся в Барнауле II съезде сибирских региональных организаций НТС его делегаты заявили о поддержке шагов Президента Ельцина и предложили запретить в стране деятельность коммунистических и ультранационалистических организаций.

С мнением, совершенно противоположным общей позиции движения, выступило новосибирское отделение ДемРоссии. В своем заявлении оно подчеркнуло, что считает действия Президента неправомерными и недемократическими, предложив в качестве единственного выхода из конституционного кризиса созыв Учредительного собрания с назначением одновременных выборов парламента и Президента.

В Томске представители 23 из 42 представленных организаций подписали резолюцию, в которой подчеркивалось, что референдум неприемлем как метод решения проблем федеративного устройства России. В результате заявлений и действий большинства политизированных структур, а так же

политической апатии населения Томской области, референдум по повышению ее статуса провалился.

Значительные усилия по конституированию своих структур в Сибири прилагали сторонники умеренного крыла либеральной демократии, которые ассоциировали себя с Г. А. Явлинским. Здесь наблюдались серьезные трудности. Уже в первых числах октября 1993 года зашли в тупик переговоры Явлинского с движением «Предприниматели за новую Россию» (ПНР) и, в конце концов, было решено отказаться от этого союза. Часть ПНР во главе с К. Затулиным объединилась с ПРЕСом С. Шахрая.

В результате формальными учредителями блока умеренных демократов под эгидой Г. А. Явлинского оказались лишь три политические организации — РПРФ, СДПР и Российский христианско-демократический союз (РХДС). Политические позиции этого союза в Сибири, как, впрочем, и по всей России, были исключительно слабы, и поэтому для РХДС участие в блоке было единственным шансом остаться субъектом политики. Вхождение в блок Явлинского для СДПР являлось компромиссом, позволявшим хотя бы на время сохранить формальное единство. Но компромисс так и не был достигнут: левые социал-демократы в список «Яблока» не вошли, хотя некоторые из них впоследствии безуспешно баллотировались по одномандатным округам.

Иначе сложилась ситуация в РПРФ, на предвыборном съезде которой 15 октября 1993 года представители 33 территориальных организаций проголосовали за союз с «Яблоком», а 20 — за вхождение в «Выбор России». В ходе дискуссии ради сохранения «единства партийных рядов» было решено предоставить региональным организациям свободу выбора. Так, в Кузбассе этим воспользовался один из руководителей местных республиканцев В. В. Иванов. Он оказался в предвыборном списке «Выбора России», хотя общая ориентация Кемеровской организации РПРФ была скорее «яблочной». Однако в подавляющем большинстве случаев «яблочная» ориентация республиканцев объяснялась не столько идеологическими предпочтениями, сколько нежеланием находиться во втором эшелоне «Выбора России» и играть роль политического «пушечного мяса», что, как известно, произошло во многих регионах с ДемРоссией.

Кроме того, инициаторы создания блока пригласили в состав списка представителей КИАН (Клуба избирателей Академии наук), экологических и женских организаций. Но они вступили в союз с блоком на правах «бедных родственников» и значительной роли не играли.

Итоги выборов 1993 года в Государственную думу получили противоречивые и неоднозначные оценки со стороны различных политических сил Сибирского региона. Безусловно, на итоги выборов повлиял раскол и ожесточенное противоборство в стане демократов. Так, в Омске борьба между демократами С. Носовцом, Н. Зольниковым, В. Козловым привела к победе С. Бабурина. А Минжуренко не сумел стать депутатом ГД по списку «Выбора России», а его место занял Б. Тюльков. Потерпел поражение и мэр Омска Ю. Шойхет, в чём немалую роль сыграл его затяжной конфликт с местным губернатором Л. Полежаевым [10].

Несмотря на то, что руководитель новосибирского ДДР А. Плотников принимал активное участие в выборах, движение в области медленно исчезает с политической арены. Это исчезновение было вызвано расколом в самом движении, в результате

которого от ДДР откололась группа, связанная с НПСР, оформившись как российское движение демократических реформ (РДДР). После думских выборов и размежевания его лидеров исчезло и омское отделение ДДР. В. Николаев перешел в РОС, А. Костюков вошел в партийный список ПРЕС, А. Бутаков совместно с профсоюзами создал местный выборный блок «Народное единство» [11]. Попытки скоординировать выдвижение кандидатов на местные выборы с другими демократическими организациями успеха омским сторонникам ДДР и их лидеру А. Бутакову не принесли.

В Алтайском крае результаты выборов серьезно повлияли на расстановку политических сил, изменив их соотношение не в пользу формирований демократической ориентации. В силу немногочисленности местных демократических активистов они стали служить базой сначала для одних, затем для других общерегиональных партий. Сами же краевые демократы в зависимости от политической конъюнктуры с легкостью переходили из одной партии в другую. Так, представители демократической общественности, работавшие в краевой администрации В. А. Рыжков, А. Н. Сарычев, П. В. Ефремов, избранные в ГД РФ, закрепились в столице, а демократы остались без своих лидеров. Поэтому демократические объединения в Алтайском крае, которые ещё 2-3 года назад были весомой политической силой, организационно фактически перестали существовать.

В отличие от других территорий Сибири, в административном эшелоне Кузбасса не наблюдалось сколько-нибудь видимых подвижек, связанных с итогами выборов. Кузбасс выступил в поддержку АДПР. Это оказалось неожиданным, но вполне объяснимым. Тем самым народ дал понять властям, что ему надоел экономический хаос, нестабильность и непредсказуемость обстановки.

По результатам выборов в Томской области можно судить о том, к чему привело излишнее дробление политических сил, поддерживающих нынешнее правительство. Благодаря политическому размежеванию потеряны почти две трети голосов. Это стало результатом мелочных разборок между представителями политических группировок и в центре, и на местах. Возникшая ситуация — определенная плата за амбиции местных политических группировок во главе с Сулакшиным, Шайдуллиным, Шаниным, Фроловой и т.д. Противоположный лагерь выиграл скорее в результате прямо противоположной ситуации. Запрещение ряда оппозиционных политических группировок, безусловно, привело их сторонников в лагерь Жириновского или Зюганова.

Подводя итоги политической кампании 1993 года, следует подчеркнуть, что существенным моментом в политической ситуации и в расстановке сил являлось то, что конкурировавшие между собой в ходе предвыборной борьбы партии не имели сколько-нибудь прочных социально-политических связей с массовой базой. Иначе не объяснить, почему в Западной Сибири во многих округах одна и та же группа избирателей голосовала, к примеру, по партийному списку за партию Жириновского, а по бюллетеню одномандатного округа — за представителя «Выбора России».

Успехи и судьбы партий, политических движений и объединений во многом зависели от того, насколько им удавалось закрепиться, найти относительно устойчивую массовую базу в провинции, создать здесь свою организацию. Целый ряд партий и политических объединений «сошли с дистанции»

в самом начале предвыборной кампании, поскольку не смогли собрать необходимого для регистрации в Центризбиркоме количества подписей избирателей из-за малочисленности, слабости или отсутствия своих региональных отделений.

Факты говорят о том, что становление партийной системы в России, и в частности в Западной Сибири, не привело к формированию на местном уровне эффективных «партийных машин». В избирательной компании 1993 года многие партии и блоки сделали ставку не на свои провинциальные организации, а на имеющиеся на местах государственные, производственные и иные структуры. Так, «Гражданский союз» попытался найти опору в директорском корпусе крупных государственных предприятий, в том числе военно-промышленного комплекса. ПРЕС стремилась привлечь на свою сторону ту часть региональных административных верхов, включая бывших председателей советов, которая, в целом поддерживая политику реформ, была не согласна с методами её проведения. «Выбор России» попытался опереться, в первую очередь, на вертикаль исполнительной власти. Однако большинство глав администраций территорий Западной Сибири, за исключением, пожалуй, кемеровского главы М. Б. Кислюка, подчеркнуто дистанцировались от «Выбора России», предпочитая баллотироваться в Совет Федерации в качестве независимых кандидатов [10].

Тем не менее местные политические партии и движения активно готовятся к будущим выборам в парламент и в местные органы управления. Их успех на выборах будет зависеть от состояния экономической ситуации в регионе, от качества и подготовленности выдвинутых кандидатов, а также от того, какими финансовыми резервами они будут располагать к моменту избирательной кампании. Все же, если до декабрьских выборов 1993 года организации демократической ориентации воспринимались общественным мнением как правящие, то после выборов подобное мнение уже не отражало реальности.

Библиографический список

1. ЦДНПО. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 429. Л. 5.
2. Погодаев, Н. Томская область в октябре 1993 года / Н. Погодаев // Политический мониторинг / Институт гуманитарно-политических исследований (Москва). — 1993. — № 10 (21). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/> (дата обращения : 15.02.11).
3. Новиков, С. В. Омская область на пороге тысячелетий: политика, экономика, культура / С. В. Новиков, Р. А. Риянова. — Омск : ОмГАУ, 2003. — 244 с.
4. Осипов, А. Г. Политический спектр. Формирование многопартийности в Западной Сибири 1986 — 1996 гг. / А. Г. Осипов, В. И. Козодой. — Новосибирск : Новосибирский полиграфкомбинат, 2003. — 354 с.
5. Олещук, В. А. Политическая Россия: Партии. Блоки. Лидеры. Год 1997. Справочник / В. А. Олещук, В. Б. Павленко. — Москва : Прогресс, 1997. — С. 64—65.
6. Ануфриенко, В. Эсдеки: ренессанс или продолжение? / В. Ануфриенко // Советская Сибирь (Новосибирск). — 1995. — № 137. — С. 5.
7. ЦДНПО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 66. Л. 11.
8. Пучкин, Д. Народная партия Свободная Россия / Д. Пучкин // Новосибирские новости. — 1992. — № 25. — С. 4.
9. Новиков, С. В. Политические партии, властные структуры в борьбе за влияние на печать и избирателя Западной Сибири 1992 — 1996 гг. / С. В. Новиков. — Омск : ОмГТУ, 2000. — 178 с.
10. Козодой, В. И. Формирование многопартийности в Си-

КАЛИНИНА Мария Аркадьевна, старший преподаватель кафедры экономики и права.

Статья поступила в редакцию 15.02.2011 г.
© М. А. Калинина

УДК 09.008

Н. О. ШЛЕГЕЛЬ

Омский государственный
технический университет

СОЗДАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ КОЛХОЗНО-СОВХОЗНЫХ ТЕАТРОВ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

В статье на основе законодательных и архивных материалов рассмотрен процесс формирования и укрепления материально-технической базы колхозно-совхозных театров. Подводятся итоги деятельности партийных органов в данной области.

Ключевые слова: культура, театры, колхозно-совхозные театры, экономическая деятельность, театральное строительство.

На современном этапе развития нашего государства мы можем говорить о достаточно большом внимании, уделяемом правительством развитию культуры. Театр и его деятельность являются одним из основных средств воздействия культуры на человека. Но полноценное воздействие культуры на человека не может происходить без крепкой материальной базы, финансовой поддержки. Еще В.И. Ленин писал «...ибо для того, что бы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база» [1, с. 377].

Цель работы — обратиться к опыту прошлого, и рассмотреть создание и укрепление материальной базы колхозно-совхозных театров. Выявить принципы государственной политики направленные на финансирование.

Основные принципы планового регулирования деятельности зрелищных предприятий были определены декретом «Об объединении театрального дела», подписанным В. И. Лениным 26 августа 1919 года. При установлении характера взаимоотношений государства с театральными коллективами в области их идеологической, художественной и экономической деятельности в декрете предполагалась необходимость планового воздействия на все стороны хозяйственного развития.

Совнарком Декретом от 12 июня 1925 г. определяет и методику расчета финансово-экономических показателей деятельности театрально-зрелищных предприятий. Правительство поручает Наркомпросу «дать указания местным органам, ведающим зрелищными предприятиями, на необходимость составления бюджетов зрелищных предприятий в соответствии с данными о средней посещаемости их» [2, с. 51].

Таким образом, к середине двадцатых годов в правительственных документах и ведомственных указаниях Наркомпроса находят дальнейшее развитие принципы и порядок планирования деятельности театральных коллективов как единого процесса, направленного на достижение художественных, идеологических и экономических целей. При этом планирование не приобрело еще отраслевого характера, его временные рамки были ограничены одним годом, а в основе всех экономических расчетов находилась ориентация на фактические результаты работы за предшествующие годы.

Конец 20-х — начало 30-х гг. в народном хозяйстве страны был связан с повсеместным и широким внедрением принципов хозяйственного расчета, определением перспектив развития не только отдельных предприятий, но и целых отраслей на пятилетний период. Естественно, что эти же вопросы стали и перед театральной отраслью. В докладной записке Наркомпроса в Совнарком РСФСР от 23 февраля 1930 г. о мероприятиях по улучшению театрального дела в РСФСР отмечалось, что одной из причин «неблагополучия в театральном деле следует признать его полную бесплановость» [2, с. 51]. В этой записке указывалось также, что деятельность многих театров лишь номинально носит плановый характер, что нередко к концу каждого сезона выявляется невыполнение утвержденных производственных и финансовых планов.

На Всесоюзном совещании по вопросам планирования искусства отмечалось, что в «Орбиту все-союзного планирования, в орбиту работы плановых органов республик и областей впервые поступает новый крупный объект, который раньше, как пра-

вило, оставался вне поля зрения плановой системы. Этот объект — искусство — отличается чрезвычайно своеобразными особенностями, и планирование его связано с особыми трудностями. В резолюции совещания было указано на необходимость включать в пятилетние планы такие вопросы, как подготовка кадров работников искусств, оплата их труда, развитие сети театров, строительство новых театральных зданий, общежитий для актеров, дошкольных учреждений для детей работников театров и т.д. Совещание также рекомендовало «перейти к действительному планированию репертуарно-производственных показателей, исходя из необходимости активизации участия театра в социалистическом строительстве», уделить особое внимание развитию национальных и передвижных театров.

Как видно, предполагалось, что плановому регулированию будут впредь подвергаться все стороны театрального дела, планирование будет носить комплексный характер, в частности, предусматривать решение социальных вопросов деятельности творческих коллективов. Учитывая мнение Наркомпроса РСФСР, рекомендации совещания, Совнарком РСФСР постановлением от 7 октября 1930 г. «Об улучшении театрального дела» предложил Госплану РСФСР «при разработке уточненного пятилетнего и ежегодных планов социально-культурного строительства особо выделить контрольные цифры по массовой театрально-художественной работе начиная с 1931 г.» [2, с. 53].

Однако не все намеченные совещанием и определенные правительством направления получили реальное воплощение в планах предвоенных пятилеток. Высокие темпы развития народного хозяйства, первоочередные задачи индустриализации и коллективизации не позволили значительно расширить общесоюзные пятилетние и годовые планы показателями развития культуры и искусства. Многие из них нашли отражение лишь в отраслевых планах государственных органов по руководству искусством.

Строительство экономического фундамента социализма требовало неуклонного расширения сферы внедрения хозяйственного расчета, в том числе и включения театра в систему экономических отношений. Хозрасчет явился методом, посредством которого театры планомерно включались в эту систему как самостоятельные хозяйственные единицы.

В 1931 г. выходит книга Имаса М. «Промфинплан театра», в которой давались обоснования необходимости внедрения производственно-финансового плана в театре. При этом отмечается, что в борьбе за выполнение производственно-финансового плана особое значение приобретает внедрение хозрасчета в театре [3, с. 15].

Рост сети учреждений культуры и искусства в первую пятилетку происходил, главным образом, в городах. Весьма широко развернулась деревенская художественная самодеятельность, но слабое руководство, отсутствие соответствующих кадров и репертуара отрицательно влияли на работу [3, с. 15].

7 июня 1933 г. постановлением Президиума Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета был утвержден промфинплан предприятий Край УЗП [4, л. 46]. Доходная часть мероприятий по художественному обслуживанию трудящихся Западно-Сибирского края — 4583,2 р., из них по театрам — 3202,5 р. Расходная часть: на содержание театров — 4264,2 р., подготовку кадров — 54 т.р. [4, л. 46]. В Постановлении признается недостаточность обслуживания деревни путем выездов бригад

городских театров только во время хозяйственно-политических компаний. В связи с этим Край УЗП обязывается организовать для обслуживания совхозов, колхозов и МТС постоянно действующий передвижные театры, изыскав средства на содержание у профсоюзных, хозяйственных и общественных организаций [4, л. 46].

С ростом числа колхозных театров перед краевыми органами встал вопрос о создании их прочной материальной базы. Все колхозные театры содержались за счет государственного и местного бюджета, а также на средства профсоюзов, колхозов и других хозяйственных и общественных организаций. В 1934 г. общая сумма дотаций по РСФСР колхозным театрам составила 6 млн руб. Сельские театры Западной Сибири получили в этом же году дотаций 515 тыс. руб., из них 376 тыс. руб. из местного бюджета.

В 1935 г. Западно-Сибирский крайисполком в целях укрепления материальной базы колхозных театров выделил из местного бюджета 510 тыс. руб. — это было на 134 тыс. руб. больше, чем было отпущено в 1934 г. Всего по Западной Сибири в 1935 г. было выделено на развитие искусства 1237,9 тыс. руб. [4, л. 46].

Организация колхозно-совхозных театров проходила в большинстве случаев под непосредственным руководством УТЗП Наркомпроса. На основании приказа наркома по просвещению Бубнова были разработаны и разосланы на места директивы «О порядке организации работы колхозно-совхозных театров» [5, с. 239]. Согласно директивам, каждый колхозно-совхозный театр должен был представлять законченное театральное предприятие, действующее на началах хозяйственного расчета, и содержаться за счет местного бюджета, а также на средства, привлекаемые по договорам от профсоюзов, колхозов и других организаций.

Для создания финансовой базы колхозно-совхозных театров УТЗП было достигнуто соглашение о выделении, помимо местного бюджета, следующих средств:

— из государственного бюджета (дотация трем колхозно-совхозным театрам) — 105 тыс. руб.

— из Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов (дотация на создание 10 колхозно-совхозных театров) — 30 тыс. руб.

— из Всесоюзного совета промысловой кооперации (дотация на создание трех театров в промысловых колхозах) — 225 тыс. руб.

— из Всесоюзного совета промысловой кооперации (оплата колхозно-совхозным театрам за обслуживание промысловых колхозов РСФСР) — 800 тыс. руб.

Итого — 1160 тыс. руб. [5, с. 240].

Полных сведений о средствах местного бюджета, выделенных на организацию колхозно-совхозных театров на 1933–1934 г. в УТЗП не имеется. Согласно имеющимся материалам, ассигнования на колхозно-совхозные театры из местного бюджета по отдельным краям колеблются от 150 тыс. до 300 тыс. руб. Можно сказать, что на данный период финансовая база колхозно-совхозных театров не может быть признана ни достаточной, ни устойчивой.

Регулируя развитие сети театров, партийные и советские организации Западной Сибири усиливали внимание и к их материальному состоянию. В июле 1936 г. бюро Омского обкома партии подвело итоги деятельности колхозно-совхозных театров за 1935–1936 гг. [6, с. 129]. В своем постановлении бюро отметило, что многие колхозные театры имели очень слабую материальную базу. Бюро обкома обя-

зало облисполком, управление по делам искусств, а также районные комитеты партии и райисполкомы принять меры по укреплению материального состояния колхозных театров, обеспечив их специальными помещениями, транспортом, дополнительными денежными средствами.

В конце второй пятилетки некоторые театры края в результате нерационального расходования отпущенных средств, слабой материальной помощи со стороны местных органов, а также неудовлетворительной творческой и общественно-массовой работы со зрителем оказались в тяжелом финансовом положении.

В эти годы в целях рационального и экономного расходования средств и улучшения художественной работы краевые организации обязывали руководство театров использовать все возможности для снижения дефицита и проводить производственно-творческую работу без государственных дотаций. Многие театры, пересмотрев свои планы, значительно уменьшали средства на оформление спектаклей, сокращали штаты, улучшали работу по организации зрителей. С одной стороны, улучшилась работа со зрителями, увеличилась наполняемость залов, с другой — снизилось качество постановок.

В сентябре 1936 г. Управление по делам искусств заявило, что добились положительных результатов в работе театров области за сезон 1935/36 г. [7, л. 101]. Доход театров за 7 месяцев работы в 1936 г. составил 92% к доходу всего 1935 г. Количество колхозных театров в 1936 г. увеличилось на 1 театр. Дотации полученные театрами в 1936 г., несмотря на увеличение количества театров снизились по сравнению с 1935 г.

В этом же году выходит постановление, в котором дается предписание по снижению на 1937 г. государственных дотаций по каждому отдельному театру на 25 — 30 руб. [7, л. 30]. Для этого необходимо было подготовить производство начиная с 1 квартала 1937 г. и сократить постановочные расходы на 25 — 30% по тем театрам, где они чрезмерно завышены.

Особое внимание необходимо обратить на заработную плату актеров и технического персонала. На основании постановления Народного комиссариата труда СССР от 2 апреля 1930 г. №142 «О среднем заработке и оплате за неполный месяц» можно сделать вывод о том, что минимальная заработная плата на 1930 г. составляла 80 руб. в месяц, при этом если работник был обязан по договору выполнять различно оплачиваемые работы, то средний заработок должен был исчисляться из общей суммы вознаграждения, получаемого по всем работам. Но, при исчислении среднего заработка, не учитывались: виды дополнительного вознаграждения единовременного характера; вознаграждение за сверхурочные работы, если они не носят систематического характера; вознаграждения за работу в праздничные дни; выплаты при командировках; квартирные деньги, т.к. предприятие, в частности театр, должно было предоставить жилье, если оно не могло выполнить это условие, то выплачивались так называемые «квартирные» за съем жилья.

В 1938 г. выходит Положение о колхозно-совхозных театрах [8, л. 1]. По нему, все колхозные театры по своему производственному значению делились на 2 группы. К первой группе относились ведущие колхозные театры в республике, крае, области, ко второй — все остальные колхозно-совхозные театры. Каждая группа делилась на 4 категории — высшая, первая, вторая и третья, внутри каждой категории проходило дополнительное деление еще на три

группы, только для третьей категории было разделено на 2 группы. Для каждой группы устанавливались твердые оклады зарплаты.

Причем зарплата работников колхозно-совхозных театров предусматривала выполнение ими 2-х функций — производственные работы (актерская деятельность) и массово-общественная и политическая работы. Норма спектаклей — 20, а для пианиста и баяниста — 24.

Дополнительная оплата происходила в связи с совмещением должности, например, если оклад директора был 800 р. и он совмещал еще и должность художественного руководителя или актера, то мог получать 900 — 1000 р.

Зарботная плата художественного и производственного персонала постепенно увеличивалась. Так, в Новосибирском колхозно-совхозном театре — в 1938 г. максимальная заработная плата была у художественного руководителя А. Л. Рогачевского — 950 р., минимальная — у артистов низшей квалификации — 252 р. [9, л. 42]. В 1939 г. соответственно — 1200 р. и 328 р. [10, л. 17], 1940-41 гг., 1250 р. и 400 р. [11, л. 67] 4-й колхозно-совхозный театр г. Ялуторовска Омской области, максимальная зарплата у художественного руководителя Медведева Петра Федоровича — 1938-39 гг. — 900 р. [12, л. 25]; 1940 г. (худ.рук — Хворов Григорий Иванович) 1000 р. [13, л. 88 — 89]; минимальная — соответственно — 170 р. и 275 р.

В 1939 г. заработная плата директора театра составляла 600 руб. Если директором театра назначался артист по совместительству, то к его основной заработной плате добавлялся процент [14, л. 3].

С 1 октября 1939 года вводился новый порядок получения средств из банков на выплату заработной платы. Согласно ему, все учреждения должны были ежемесячно представлять банку справку о необходимых суммах на заработную плату исходя из фактического наличия работников и начисленной заработной платы, но не выше зарегистрированного и утвержденного штатного контингента и фонда заработной платы. Это постановление запрещало учреждениям и организациям: выплачивать заработную плату сверх сумм, выданных банком для этой цели, повышать заработную плату работников за счет недоукомплектования штата. Выплата заработной платы должна была производиться исключительно на основании постановления. Содержание нештатного контингента за счет других статей категорически запрещалось [15, л. 20].

В 1938 г. были ассигнованы следующие суммы на искусство по колхозно-совхозным театрам: Бийский — 125 тыс. руб., Каменский — 100 тыс. руб., Алтайский — 127 тыс. руб., Ойротский — 150 тыс. руб. [16, л. 99].

Объем капиталовложений в третьей пятилетке на строительство театров Западной Сибири составил 8 550 тыс. руб. [6, с. 131]. К началу войны было закончено строительство театрального здания для колхозно-совхозного театра в Ишиме, проведена реконструкция театров в Омске, Барнауле, Бийске, построены летние театры в Новосибирске, Кемерово, Прокопьевске. Эти театры получили оборудование, просторные подсобные помещения, хорошие сцены и удобные гримировочные комнаты.

В предвоенные годы партийные организации Западной Сибири, осуществляя постоянное руководство театрами, значительно укрепили их материальную базу. Так, если бюджет театров края в 1929 г. составлял 530 тыс. руб., то к 1 января 1941 г. он увеличился до 6387 тыс. руб. Однако в руководстве театрами органы управления встретились с рядом трудностей. Это было связано с тем, что некоторые

колхозно-совхозные театры ввиду отсутствия должной материальной и жилой базы, а также слабости артистического состава испытывали финансовые трудности. Поэтому партийные и советские органы вынуждены были пойти на их реорганизацию и изыскание лучших возможностей. Так, в начале 1940 г. был закрыт Остяко-Вогульский колхозный театр.

Таким образом, в годы первых пятилеток Западно-Сибирская партийная организация в развитии театрального дела и руководстве им добилась определенного успеха. Количество театров в крае за это время увеличилось более чем в три раза. Для труженников села были созданы специальные колхозные театры. В эти годы была значительно укреплен материальная база театров. Меры, принятые партийными и советскими органами Западной Сибири по организационному и материальному укреплению театров, обеспечили не только упрочение театральной сети, но и ее дальнейшее развитие.

Данная работа может быть включена в курс изучения истории края, а также использована при разработке курса культуры края.

Библиографический список

1. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений [Текст]. В 55 т. Т. 45 / Владимир Ильич Лени. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1978. — 579 с.
2. Сорочкин, Б. О комплексном перспективном планировании творческого, экономического и социального развития театра / Б. О. Сорочкин // Актуальные вопросы экономики и

организации театрального дела : сб. науч. тр. — М. : ГИТИС, 1986. — С. 51 — 60.

3. Имас, М. Промфинплан театра / М. Имас. — М. : Учгиз, 1931. — 79 с.
4. ГАНО. Ф. 896. О. 1. Д. 231.
5. Из обзора управления театрально-зрелищных предприятий Наркомпроса РСФСР состояния театрального искусства в РСФСР в 1933 — 1934 гг. // Культурное строительство в РСФСР. Т. 2. Документы и материалы 1928 — 1941 г. Ч. 2 / гл. редактор М. П. Ким. — М. : Советская Россия, 1986. — С. 239 — 245.
6. Леяков, А. П. Некоторые вопросы деятельности партийных организаций Западной Сибири по расширению сети и укреплению материальной базы в период довоенных пятилеток (1928 — 1941). — Новосибирск, 1988 — 201 с.
7. ГАОО. Ф. 1203, О. 1, Д. 1.
8. РГАЛИ. Ф. 962., О. 7. Д. 163.
9. ГАНО. Ф. Р-1404, О. 1, Д. 12.
10. ГАНО. Ф. 1376, О. 1, Д. 12.
11. ГАНО. Ф. Р-1404, О. 1, Д. 15.
12. РГАЛИ. Ф. 962. О. 7. Д. 219.
13. РГАЛИ. Ф. 962. О. 7. Д. 609.
14. ГАОО. Ф. 1839, О. 1, Д. 24.
15. ГАОО. Ф. 1203, О. 1, Д. 2.
16. КГУ ГААК. Ф. Р-1445, О. 1, Д. 15.

ШЛЕГЕЛЬ Нина Олеговна, аспирантка кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: e-mail: Teatr23@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.02.2012 г.

© Н. О. Шлегель

УДК 94 : 7.033 (571.1)

Ю. А. БОРТНИКОВА

Тюменский государственный университет,
филиал в г. Заводоуковске

К ВОПРОСУ О ПРОНИКНОВЕНИИ ИСЛАМСКОГО ИСКУССТВА В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Статья посвящена предпосылкам и процессу проникновения в Западную Сибирь исламского искусства. В работе рассматриваются тюркский и арабский компоненты региональной художественной культуры, а также причины ее адаптации к традиционной культуре региона.

Ключевые слова: ислам, искусство, руны, среднеазиатский орнамент, солярные знаки, лунница, синкретизм, запреты на изображение живых существ.

Исламизация Западной Сибири в период Средневековья включает две волны, каждая из которых имела свои цели и привносила в культуру местных мусульманских народов новые элементы, отражающие мировоззрение миссионеров той эпохи.

Первая волна вызвала массовое обращение в ислам коренного населения, но в историографии пока нет завершенной картины этого процесса. Отсутствует единое мнение о дате (веке) распространения ислама в Западной Сибири. Наиболее распространенная версия — XIV в. (1394 — 1395 гг.), что связа-

но с религиозными войнами суфийских шейхов под руководством Накшбандия. На данной стадии процессу исламизации подверглось постоянно проживающее на территории региона население, из числа которого наиболее крупными этническими группами были татары и обские угры. Если первые восприняли исламскую культуру, в том числе ее художественную составляющую, то вторые — нет, что объясняется рядом факторов.

На момент принятия ислама сибирские татары находились на стадии государственности, что объ-

ективно требовало соответствующей монотеистической религии; ислам в этом плане стал первым. Активная христианизация региона началась лишь в XVIII в., иудаизм был представлен немногочисленными группами евреев, не склонными к распространению своей веры, а буддизм до региона так и не дошел. Поэтому активная миссионерская деятельность первых суфийских шейхов нашла благодатную почву «по праву первого».

Что касается обских угров, то их политические образования численностью от 100 до 1000 чел. [1, с. 15], в отличие от крупного Сибирского юрта, жили в условиях традиционной культуры, которая полностью удовлетворяла их материальные и духовные потребности, поэтому необходимости в монотеистической религии, способной объединить огромные массы людей, у них просто не было. Кроме этого, процесс исламизации обских угров серьезно осложнялся хозяйственными и природно-климатическими факторами: это кочевой образ жизни, огромные территории, которые они занимали, а также холодный климат. В комплексе эти обстоятельства обеспечили сохранение у обских угров традиционных верований, хотя некоторые предпосылки для распространения ислама в их обществе были, как и у тюркских народов региона.

Такой предпосылкой было визуальное восприятие ислама как религии, близкой к культуре коренных народов региона. В период распространения ислама в Западной Сибири мировое мусульманское искусство только формировалось, не все каноны и образцы были устоявшимися. По мнению Г. Ф. Валеевой-Сулеймановой, в формировании художественных канонов мусульманской культуры тюркский компонент присутствовал как равнозначный арабскому и персидскому [2, с. 450] — это объясняет относительно быструю адаптацию исламского искусства к традиционному региональному, их синкретизм.

В предметах декоративно-прикладного искусства XII—XIV вв., поступавших из Волжской Булгарии, наряду с растительными и геометрическими орнаментами повсеместно использовались изображения птиц и животных [2, с. 446]. Это было пережитком доисламских верований, но совпадало и с мировоззрением, и с экономическими требованиями жизни сибирских татар. Таким образцом являются подвески «рыбки» из Сургутского Приобья (Сайгатинский III могильник), прибывшие из Волжской Булгарии [1, с. 21].

Один из главных элементов декоративно-прикладного искусства — ювелирные украшения — как в тюркской, так и в исламской культурах имели значение оберегов. Обтекаемость форм как тюркских, так и исламских украшений давала возможность легко трансформировать первые в образ лунницы и восточного купола. Г. В. Валеева-Сулейманова приводит образцы татарских наконечников типа «чулп», показывающих их эволюцию. Украшение, относящее к VIII—X вв., напоминающее форму женского гребня, к XIII—XV вв. легко приобрело восточный вид за счет округлости предшествующих форм. При этом украшение синтезировало два компонента: снизу вверх оно имеет форму восточного купола, снизу вверх — мотив лотоса, характерный для тюркской культуры. Подвеска (нагрудное украшение) в форме восточного купола хранится в фондах ТОКМ [3]: она легко могла трансформироваться из тюркского украшения.

Таким образом, в мусульманской художественной культуре, пришедшей в Западную Сибирь, изначально был заложен тюркский компонент, — это

явление не только ускорило и смягчило процесс принятия ислама местным тюркоязычным населением, но, более того, содействовало складыванию регионального варианта исламского искусства. Иными предпосылками для его распространения в Западной Сибири можно считать следующее.

Во-первых, предметы мусульманского искусства в регионе появились задолго до его официального распространения. Основываясь на данных археологических экспедиций, Н. В. Федорова утверждает, что Западная Сибирь «...представлялась исследователям такими кладовыми, где на древних святилищах веками сохранялись блюда с изображениями сасанидских царей, согдийские кружки и кувшины с растительными орнаментами и фигурами персонажей зороастрийского пантеона, исламские серебряные бутылки и подносы с благопожелательными надписями» [4, с. 7]. Раскопки на Барсовой горе под Сургутом также показали наличие образцов исламского искусства в регионе в более ранний период.

Эти предметы были найдены в основном на капищах, где происходили шаманские камлания. На многих из них пробиты отверстия, через которые предмет подвешивался и использовался по религиозному назначению, — все это свидетельствует о складывании религиозного синкретизма в регионе еще до официального принятия ислама.

В целом эти предметы знакомили сибирские народы с художественной культурой ислама, поэтому нельзя утверждать, что религиозные войны суфийских шейхов открыли для мусульманского искусства дорогу в Западную Сибирь. Наоборот, суфизм XIII—XV вв. проповедовал аскетизм, и роскошные предметы восточного декоративно-прикладного искусства, поступавшие в регион, не вписывались в его идеологию. Это противоречие изначально закладывало двойственное восприятие исламского искусства местным населением, и как следствие, расширяло пределы дозволенного в нем.

Во-вторых, орнаменты, характерные для среднеазиатского искусства XIII—XIV вв., были по графике идентичны праздничным угорским (и, возможно, татарским). В основе среднеазиатского орнамента лежала свастика, заполнявшая оформляемое пространство полосами и квадратами, — этот орнамент присутствует на Мавзолее Казы-заде-Руми (Узбекистан, г. Самарканд), Мавзолее Ходжа Ахмеда Яссауи (Казахстан, г. Туркестан), Мавзолее Карахонидов (Киргизия, г. Узген) и иных объектах средневекового зодчества. Мотив свастики является одним из основных и в угорской культуре. Что касается повседневной одежды, то внешний вид миссионеров и обычных татар мало отличался. Одна из версий термина «суфии» происходит от названия одежды, которую носили последователи пророка — так называемого шерстяного суфа (т.е. суфий — человек, одетый в шерстяную одежду). Грубая ткань серого цвета напоминала повседневную одежду сибирских татар.

В-третьих, визуально не был чуждым и исламский (арабский) алфавит, который похож на тюркскую руническую письменность. В историографии не доказано ни наличие, ни отсутствие рун у сибирских татар, так как не найдено ни одного образца. Однако Г. Файзрахманов, подчеркивая невозможность существования без письменности на стадии формирования государства, утверждает: «У сибирских татар появилась арабская письменность, вместо рунического письма» [5, с. 176]. Значительная часть рунических знаков по своему написанию напоминает буквы арабского алфавита (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение букв и символов
рунического и арабского письма

Но- мер	Рунические символы	Буквы арабского алфавита
1.	З	ع غ
2.	Ж	م
3.	Г	ا ي
4.	С	ق ل
5.	Ф	ح
6.	У	ر
7.	У	ز
8.	Ф	ق
9.	Л	ا
10.	Н	ه
11.	Э	ح
12.	Ч	ط
13.	І	ا ا ا ا
14.	М	م
15.	Н	ن
16.	С	ط
17.	Д	د ذ

Руны, расположенные на стелах вертикально, читались снизу вверх. Если текст перевернуть горизонтально, что они будут читаться справа налево (так и читаются), что практикуется и в арабском языке. В этом случае даже случайный набор букв как в рунической, так и в арабской письменности будет визуально близок и может стать основой для эпиграфического орнамента.

В-четвертых, в XIV в. исламской символики еще не существовало; в орнаментах и культуре мусульманских народов доминировали солярные знаки, что отражало гармонию Вселенной. Однако эта идея, выраженная в солярной символике, была основной и в традиционных верованиях сибирских народов. Кроме этого, в период первой волны исламизации региона многие предметы мусульманского декоративно-прикладного искусства, поступавшие в Западную Сибирь, в качестве основных также имели солярные знаки, что, видимо, было обычным явлением.

Археологические раскопки на Барсовой горе под Сургутом выявили несколько таких образцов из Волжской Булгарии. На первом (блюдо) основной орнамент — это солярная розетка; на втором (чаша) в растительный орнамент также вписаны три круглых солярных символа. В целом, по мнению сотрудника Сургутского музея А. Чикиной, «Изображение солнечного диска

во всех его ипостасях (круг, кольцо, звезды, розетки и проч.) в искусстве волжских булгар согласовывалось с их древними языческими верованиями, пробивавшимися через сети ислама» [6, с. 170].

Таким образом, исламское искусство, проникавшее в Западную Сибирь в тот период, было неоднородным — от классических арабских экземпляров до синкретичных, сложившихся в рамках Золотой Орды. Оба варианта воспринимались сибирским населением как полноценные предметы мусульманской художественной культуры, способные быть образцами, но второй вариант был ближе культуре и мировоззрению обских угров и сибирских татар. Все это, с одной стороны, заложило основу для специфики исламского искусства региона, а с другой — создало благоприятную предпосылку для распространения мусульманской культуры в среде местных народов.

Исламское изобразительное искусство того периода легко вписывалось в художественные традиции коренных народов, проживавших на территории Западной Сибири. Однако первая волна исламизации объективно не могла установить правила нормативного ислама, в том числе и в искусстве. Развитие «магометанства» в масштабах мировой культуры, проникновение его в отдаленные регионы, расширение торговых и культурных связей, постепенный отказ от изображения живых существ в «традиционно дружественной» Волжской Булгарии, — эти и другие факторы требовали корректировки исламских представлений в и Сибирском ханстве, попытка чего была сделана при Кучуме.

Вторая волна исламизации региона — это правление Кучума (XVI в.), когда по его приглашению из Бухарского ханства, в частности, Ургенча прибыло около 1000 миссионеров с целью укрепления мусульманской веры среди сибирских татар. Если первая волна содействовала распространению самого ислама, то вторая была призвана укрепить исламский образ жизни, в том числе распространить художественную культуру ислама [7, с. 89]. К этому периоду классическое исламское искусство изменилось; во-первых, появилась символика ислама — полумесяц со звездой; во-вторых, были обособлены запреты на изображения живых существ.

В исламе символ полумесяца оформился только через восемь столетий после появления религии. Изначально полумесяц был символом столицы Византии — Константинополя, что связано с легендой о неудачной попытке завоевания города А. Македонским из-за яркого света Луны, осветившей его войско и давшей константинопольцам возможность отразить атаку и спасти город. В Османской империи XV в. византийский полумесяц был оставлен в государственной символике, а позднее для мусульман приобрел религиозное значение.

Символ полумесяца не был новым явлением в религиозном искусстве Западной Сибири. Например, он присутствовал в христианской культуре. На церквях этот символ в сочетании с крестом иногда присутствует и в настоящее время. В фондах Тюменского областного краеведческого музея (ТОКМ) хранится старопечатное Евангелие 1616 г. (типография Братства св. Луки), на второй странице которого изображен полумесяц (т. е. «рогатая луна») в сочетании с солярной восьмиконечной розеткой [8].

Солярные знаки в культуре сибирских татар и обских угров, отражавшие образ Вселенной: Солнце, Луну, звезды, — не только не противоречили сформировавшейся исламской символике, но и со-

впадали с ней. В частности, Луна в традиционных верованиях западносибирских татар (и обских угров) имеет сакральное значение: она руководит жизнью людей и может наказать за проступки. У сибирских татар существует легенда о женщине с коромыслом, перенесенной на Луну за плохое поведение и до сих пор виднеющуюся там (одно из темных пятен на Луне) [9, с. 80]. Звезда является одним из основных символов ислама, и в то же время присутствует в традиционном искусстве западносибирских татар и обских угров: звезды понимаются как символ человеческой жизни [9, с. 80]. Изображение звезд присутствует на многих предметах традиционного декоративно-прикладного искусства сибирских татар: пятиконечная — на ритуальной ткани из экспозиции ТОКМ [10].

Однако крест как символ Солнца первоначально также не противоречил исламскому искусству: он использовался в орнаментах всех регионов мира и остался в мусульманской культуре Западной Сибири. Поскольку он был главным символом христианства, то его трансформация была неизбежна. В искусстве сибирских татар крест стал изображаться как свастика, причем или в «чистом» виде (например, серебряный поднос из музея Ембаево, ручки которого украшены свастикой) [11], или стилизованный под свастику (например, орнамент на калфаке из фондов ТОКМ) [12]. У казахского населения, которое также начало воспринимать исламскую художественную культуру, крест приобрел округлые формы, приблизившись к четырехлепестковой розетке. Эти орнаменты также представлены на предметах декоративно-прикладного искусства казахов Тюменского региона (например, перстни) [13]. Таким образом, прежняя солярная символика просто приобрела дополнительное — исламское — значение, не меняя прежней интерпретации.

Мусульманский образ жизни требовал соблюдения религиозных запретов, в том числе на изображения живых существ. Однако фактором, осложнившим этот процесс, оказавшим влияние как на интерпретацию самого ислама, так и на специфику мусульманского искусства в изучаемом регионе, были особенности хозяйственной жизни сибирских народов. До гибели Сибирского ханства одним из основных промыслов была охота, выделка шкурок и их обмен на необходимые товары. Ясак, собираемый татарами с обских угров, также уплачивался пушниной. Для приобретения товарного вида шкурке необходимо было оставить очертания зверя — белки, соболя, бобра и проч. — с лапками, мордой и другими его атрибутами. Эта форма противоречила исламу, запрещавшему реалистичные образы животных. К таким образам нельзя было прикасаться и даже смотреть (по данным информатора М. Ш. Альмухаметовой из сибирских татар, бабушка запрещала ей играть в шахматы).

Однако изменение формы шкурки (отсечение всего «лишнего») означало крах сибирской торговли, т. к. российская казна, ориентировавшаяся на интересы Европы, принимала только «полноценный» товар. Торговые связи с Востоком также требовали соблюдения традиционной формы шкурки, а контакты с Ираном, где запрета на изображение живых существ не было, усиливали эту тенденцию. Данные обстоятельства не могли не вызвать адаптацию ислама к местным условиям, так как принятие всех его ограничений оказалось невозможным в условиях хозяйственной жизни Западной Сибири. Через руки сибирских татар проходили миллионы

шкурок, и такой «грех» замолить перед Аллахом было невозможно.

На Арабском Востоке ситуация была другая: в основе хозяйственной жизни лежали торговля и скотоводство. В силу многочисленности товаров исключение из оборота тех, что имели изображение живых существ, не могло коренным образом повлиять на материальный достаток мусульман. Шкуры домашнего скота можно было оставить без признаков животного — просто руно. Эти принципы были неприемлемы в хозяйственной жизни сибирских татар.

На формирование искусства оказала влияние и философия суфизма: «Суфий видит истину во всех формах. Если кто-то попросит суфия пойти и принести молитву в христианской церкви, он готов сделать это. Если кто-то захочет взять его в Синагогу и попросит его помолиться, как это делают евреи, он спокойно согласится; и среди мусульман он совершит намаз так же, как это делают они. В индуистском храме он видит того же Бога, живого Бога, на месте идола: и в храме Будды, вдохновение заменит слепое идолопоклонничество. Конечно, в его сердце — его мечеть, где живет Возлюбленный...» [14]. Это объясняет свидетельство, относящее к 1841 г.: «Некоторые мусульмане посещают церковь, ставя свечи перед иконами. Во время крестного хода они вместе с русскими идут на место молебствования...» [15, с. 91].

Такая терпимость стала одной из причин религиозного синкретизма в искусстве (например, в некоторых татарских деревнях вплоть до настоящего времени раскрашивают пасхальные яйца). Но в целом исламское искусство Западной Сибири отражало условия, в которых оно формировалось.

Библиографический список

1. Обские Угры / Редкол. А. И. Райшев [и др]. — Тюмень : Тюмень, 2005. — 207 с.
2. Валеева-Сулейманова, Г. Ф. Национальная традиция в декоративном искусстве / Г. Ф. Валеева-Сулейманова // Татары / Под ред. Р. К. Уразманова и др. — М.: Наука, 2001. — 583 с.
3. Тюменский областной краеведческий музей (ТОКМ). — № Оф. 8023/2.
4. Федорова, Н. В. Византийское сокровище угорских князей / Н. В. Федорова // Родина. — 2002. — № 7. — С. 7–9.
5. Файзрахманов, Г. Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века) / Г. Л. Файзрахманов. — Казань : Фэн, 2002. — 488 с.
6. Чикина, А. О трех произведениях декоративно-прикладного искусства Волжской Булгарии / А. Чикина // XIV Сулеймановские чтения — 2011 : матер. Всерос. науч.-практ. конф. 13–14 мая 2011 г. — Тюмень, 2011. — С. 170.
7. Ярков, А. П. Кучум и Ермак: «осевое время Сибири» / А. П. Ярков, С. А. Капитонов // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы междунар. конф. г. Курган, 21–22 апреля 2011 г. — Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. — С. 89.
8. ТОКМ. — № КП 274.
9. Зенько, А. П. Традиционные верования западносибирских татар и обских угров: к вопросу о взаимодействии культур / А. П. Зенько // Тюркские народы Культурное наследие народов Западной Сибири: материалы V Сибирского симп. — Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2002. — С. 80–81.
10. ТОКМ. — № КП ОФ 9392/5.
11. Музей татарской истории и культуры с. Ембаево Тюменской области. — № 67.
12. ТОКМ. — №. ОФ 5402/1
13. ТОКМ. — № ОФ 9418, № 7294.

14. Пир-о-Муршид Хазрат Инайят Хан. Учение суфиев / Пир-о-Муршид Хазрат Инайят Хан. — М.: Сфера, 1998. — С. 199.
15. Гарифуллин, И. Б. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. В 3 т. Т. 1. Источники и историография / И. Б. Гарифуллин, Г. Л. Файзрахманов; под ред. А. П. Яркова. — Тюмень: Колесо, 2007. — 418 с.
16. Аманжолов, А. С. История и теория древнетюркского письма / А. С. Аманжолов. — Алматы: Мектеп, 2003. — 368 с.

БОРТНИКОВА Юлия Александровна, ассистент кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Адрес для переписки: e-mail: hea2004@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2012 г.

© Ю. А. Бортникова

УДК 930.2

А. А. ДНЕПРОВСКАЯ

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ И БРАКЕ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЖЕНСКИХ ИЗДАНИЙ «РАБОТНИЦА», «КРЕСТЬЯНКА», «СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА»)

Статья посвящена реконструкции представлений о семье и браке в советском обществе первого послевоенного десятилетия на основе специальных женских изданий («Работница», «Крестьянка», «Советская женщина»). Внимание сосредоточено на той модели семейных отношений, которая задавалась в советской печати властью, стремившейся создать определенный кодекс жизни советских граждан. Установленные в официальной печати формы и способы трансляции позволяют сделать вывод о разумности советской государственной политики регулирования в сфере семейно-брачных отношений.

Ключевые слова: семья, брак, материнство, советские журналы, официальный образ, пропаганда.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по образованию в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2012 гг.», государственный контракт 14.740.11.0569.

Конец XX века, богатого на крутые повороты, привёл к очередной ломке предыдущих представлений о семейных отношениях, браке и любви — резко поменялся стиль жизни, были повергнуты прежние идеалы, на смену им пришли новые приоритеты и ценности. Современные гляцевые издания, являясь калькой с западных аналогов, прежде всего, эксплуатируют внешность женщины, представляя её в образе модели, секс-символа, спутницы мужчины. В определённом смысле современная пресса является пособием по красивой жизни, изобилующим рекомендациями о том, как правильно себя подать с целью обеспечения себе светлого и беспечного будущего в роли преданной подруги обеспеченного человека. Ролевые образы женщины — матери, жены, профессионала — ушли на второй план. Потребность в научном осмыслении феномена гендерного стереотипа продиктована необходимостью поиска новых продуктивных стратегий, направленных на ослабление противоречий личности и общества.

Первое послевоенное десятилетие имело особое значение в процессе формирования гендерных стереотипов. В ситуации демографического перекося, транслируемые в официальной печати нормативные образы женщины, мужчины, семейных и обще-

ственных отношений, играли роль своеобразного стабилизатора. Силами редакций партийные идеологи создавали на страницах советских изданий нормативные медиа-образы, которые встраивались в общую идеологическую концепцию «советского человека». Перед нами определённый «кодекс нормы» жизни послевоенного общества, в котором прежде всего привлекательный образ женщины — матери, жены и труженицы, воспринимался как важнейшее охранительное и порождающее начало. Эти механизмы идеологического конструирования, обусловленные экономическими и политическими требованиями времени, действуют и в современности, поэтому их изучение имеет не только научную, но и практическую значимость.

В данной статье мы намерены рассмотреть особенности изображения семейно-брачных отношений в первое послевоенное десятилетие в официальной советской печати, и, прежде всего, в изданиях, ориентированных на наиболее массового адресата — женщин. На основе популярных послевоенных журналов «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина» попытаемся выявить ключевые характеристики семейной жизни и быта советских граждан послевоенного десятилетия, в том виде, в котором

их представляли творцы соцреализма, и попытаемся прояснить те средства, при помощи которых, этот образ создавался советскими публицистами. Каждый из журналов имеет свою специфику, поскольку обращён к определённой категории читателей — «Работница» ориентировалась на городскую читательницу, «Крестьянка» обращалась к сельской труженице, а «Советская женщина» была создана для советских общественниц, активисток и членов всевозможных комитетов. Таким образом, обращаясь к данным всех трёх источников, у нас появляется возможность получить наиболее полное представление о семье, браке и материнстве.

Согласно определению Советской энциклопедии, семья — это основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью. Ниже уточняется, что нормы нравственности и законодательство в условиях социализма направлены на укрепление семьи, утверждение принципов социалистического общежития [1]. Действительно, идеология советского государства была направлена на укрепление института брака и пропаганду рождаемости, подтверждением чему служат многочисленные законы и указы этого периода, затрагивающие вопросы охраны материнства и детства, устанавливающие брачный возраст, стимулирующие рождаемость за счёт предложенных государством пособий и знаков отличий. Но помимо действующего законодательства нашему вниманию предложен второй вариант укрепления семейно-брачных отношений — метод официальной пропаганды советскими властями единственно правильной формы человеческого общежития — семьи. Предложное в официальной печати представление о семье и быте граждан наделялось ключевыми позитивными характеристиками, нередко являясь лишь идеальным конструктом, не соответствующим жизненному укладу советских граждан, просто не имеющих возможности построить семью в обескровленном послевоенном советском обществе. Обратим внимание на то, как транслируют понятия любви и брака специальные женские издания.

Как и в кинофильмах 1930 — 1950-х гг., в советской прессе наиболее типичен показ любви через работу. Сцена трудового порыва демонстрирует духовное единение пары, причём в этот момент и обнаруживается их истинная красота [2]. Вот типичная история любви, представленная на страницах «Работницы»: «Год назад девушка подружилась с фабричным электриком, комсомольцем, сыном потомственных ткачей этой фабрики. Комсомол породнил их. Дружба, скреплённая единством стремлений, выдержала испытание временем. Наступил день свадьбы» [3]. Или история Е. Рязановой: «С заводом связана вся моя жизнь. Здесь я нашла и личное своё счастье... Мы познакомились с Федей Ильиным в цехе. Он ведь у меня тоже обойщик и работник неплохой. В 1948 году поженились, а теперь у нас есть сын Серёжа» [4]. Подобные «казусы» занимают в журналах ключевую позицию, поскольку подчёркивают не только стремление советских граждан к созданию «естественной» ячейки коммунистического общества, но и указывают на патриотическое воспитание граждан, их трудолюбие и коллективизм, что и необходимо для целостного нормативного образа.

Как правило, изображаемые герои — люди незрелые и «невинные», что свидетельствует о чистоте их намерений и задаёт перспективу личного, трудового и общественного становления [2, с. 213]. Можно за-

метить, что советский источник не предлагает нашему вниманию отражения бурь и страстей, присущих человеческим взаимоотношениям. Сюжетной развязкой спокойных, ничем не примечательных отношений становился брак. Отношение к браку в советском обществе было предельно серьёзным, пресекалось всякое легкомыслие, поскольку брак закладывал начала семьи, а от семьи во многом зависело воспитание новой смены строителей коммунизма.

Что касается мотивов, то, как показывает нам советская печать, женился советский человек обыкновенно по склонности, брак из-за денег практически не был известен. Решающим мотивом называли любовь, привязанность, взаимоуважение. Брак воспринимался как единство любви и долга. Большинство членов советского общества ориентировалось на прочный, пожизненный брачный союз, а для того, чтобы подчеркнуть «чистоту» социалистического брака, в прессе традиционно проводилось сопоставление его с буржуазным институтом брака, где «вместо законов сотрудничества и взаимопомощи царил законы конкуренции», где «за 17 дней можно развестись и второй раз выйти замуж», поскольку, как сообщает нам «Работница»: «Брак там — тоже бизнес!» [5]. Подобные сравнения становятся актуальными в советской печати послевоенного десятилетия, год от года набирая динамику и остроту, в силу развёрнутой между государствами холодной войны, что принуждало все средства массовой информации работать на осуждение, обличение и даже высмеивание жизни и быта капиталистических государств.

Безусловно, советская жизнь, как две стороны медали, делилась на ту, что принято было демонстрировать и ту, что оставалась «за кадром». Дokoпаться до последней во многом не представляется возможным, поскольку выносить на суд общественности то, что касается лишь двоих, было не принято, как не принято было и изображать семейную повседневность и быт супругов, поскольку брак являлся не наблюдаемым процессом, а логичной сюжетной развязкой [2, с. 218]. То, что получало публичную огласку, тоже тщательно отбиралось.

Итак, согласно законам жанра, преисполненная чувством радостного созидания, на волне светлого трудового порыва советская женщина встречала «того единственного» и выходила замуж «один раз и на всю жизнь». Семейных работниц в райисполкоме ставили на учёт для получения жилплощади, и, как представлено в печати, проблем с жилплощадью население не испытывало [6]. Преисполнены восторга отзывы женщин на страницах журналов: «Мы надеялись получить большую жилплощадь, но о такой квартире, которую мы получили, я и не мечтала!» [7], «В том, что простая работница въехала в отдельную благоустроенную квартиру, в нашей стране нет ничего особенного» [6, с. 3]. Информацию подобного характера можно встретить на страницах любого номера женских изданий, поскольку любой репортаж или очерк, описывающий жизнь советских людей, был направлен на то, чтобы подчеркнуть чистоту и благоустроенность быта советских тружеников, заслуживших своё право возвращаться с работы в собственное, уютное жильё, со скромной, но добротной обстановкой, неизменными атрибутами которой становились фикус, торшер и расшитые скатерти.

Согласно источнику, жилфонд по инициативе партии постоянно увеличивался, жизнь и быт улучшались. Проходила повсеместная газификация, силами хозяек постоянно росла культура и гигиена жилища. Однако были и семьи, жившие иначе: в

землянках, развалах зданий, подвалах, на чердаках, в вагонах. Конечно, эти случаи оставались за рамками освещения официальной печатью. Непростой и не всегда благополучной на деле оказывалась и ситуация в советском селе. В редакцию «Крестьянки» нет-нет проникали жалобы: «Е. А. Гайдукова с малолетним сыном живёт в полуразрушенном доме. Несмотря на то, что муж колхозницы погиб на фронте, а старший сын служит в Советской армии, ей не оказывают помощи в ремонте дома» [8]. Это редкий случай антиканона, прорвавшийся на страницы официальной прессы с целью обличения местных властей и исполнителей, но никак не советской гуманной и демократичной системы.

У женщины, ставшей женой и хозяйкой собственного благоустроенного «очага», в полной мере проявлялась потребность в детях, что являлось и её неписанным социальным долгом, поскольку «воспроизводство непосредственной жизни называлось определяющим моментом существования общества» [9]. Ведущим мотивом, конечно, оставалась естественная любовь женщины к детям. Так, пишет читательница «Работницы»: «Для меня дети — огромное счастье. Особенно люблю маленьких детей. Трудно с ними, хлопотливо. Иногда в сутки сплю по 3-4 часа, а всё же нет высшей радости, чем растить человека» [10].

По данным статистики, наиболее детородный возрастной интервал послевоенных лет — 20–24 года [9, с. 50]. К 1955 году в пользование беременным женщинам государство предлагало отлаженную государственную систему родовспоможения, 7113 консультаций, постоянно растущую сеть акушеро-гинекологических учреждений, профессиональные кадры акушеров и гинекологов. Кроме того, как свидетельствует источник, действовали специальные институты педиатрии, акушерства и гинекологии Академии медицинских наук СССР и сеть научно-исследовательских институтов [11]. Таким образом, на службу советской матери была поставлена наука. При родах применялся самый прогрессивный психопрофилактический метод обезболивания по И. П. Павлову, благодаря которому, делятся впечатлениями советские матери, «роды стали казаться процессом удивительно гармоничным и стройным. Всё в нём понятно, естественно, человечно» [12]. Несмотря на открытость данных тем, надо заметить, что беременность изображаемых героинь внешне не акцентирована, в чём проявляется характерная стыдливость культуры этого времени.

Позитивные отзывы оставляли читательницы и о самих родах: «Попадая в роддом, женщина с первых шагов ощущает, что здесь ей нечего беспокоиться за свою судьбу и здоровье ребёнка. Сама обстановка действует успокаивающе. Создан режим покоя, тишины, исключаяющий всё, что раздражает человека» [10]. Доступности и высокому уровню услуг советских роддомов противопоставлялся низкий уровень услуг за рубежом: «Там женщина должна платить за пребывание в роддоме, за помощь акушерки, врача. При этом смертность рожениц и детей в США очень высока» [13].

Общий демографический кризис, разразившийся после войны, не мог не сказаться на рождаемости, падение которой представляется вполне объективным, учитывая то, с какими потерями СССР вышел из войны. И если число родившихся на тысячу человек населения с 1940 по 1950 годы снизилось с 31,3 до 26,7 человек, ввиду указанных выше причин, то динамика смертности детей в возрасте до 1 года

демонстрирует нам позитивное снижение количественных показателей — 184 человека на тысячу родившихся в 1940 году и всего 81 человек — в 1950 году, что, вероятно, свидетельствует и об уровне оказываемых медициной услуг [14].

Комплекс мер, направленный на охрану материнства и детства, а вместе с тем на повышение рождаемости, позволил властям отказаться от принятого в 1936 году постановления ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт». Теперь снижения числа абортов предполагалось достичь расширением мер воспитательного характера. 23 ноября 1955 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения абортов» [11, с. 155], что предполагало сознательность женщин в ситуации созданного государством благополучия и полного предоставления условий для счастливого материнства. Тем самым власти надеялись снизить число «криминальных абортов».

Что касается числа детей в семье, то, согласно социологическим исследованиям, потребность в первом ребёнке была высока почти у всех. Потребность во втором-третьем ребёнке различалась у женщин с различным уровнем образования, в зависимости от проживания в сельской или городской местности, а также в зависимости от социально-профессиональной группы. Многодетность особо характерна была для народов Средней Азии, ориентированных на рождение 6-7 детей, а также у сельских женщин коренных национальностей она была близка к физиологическому пределу, что, вероятно, свидетельствовало и об уровне доступности контрацептивных средств [9, с. 151]. Несмотря на прочную оборонительную философию однодетности, которая бытовала в послевоенный период, о чём нам сообщают советские социологи 1960–1970-х гг., со страниц журналов и с плакатов на нас смотрит счастливая многодетная мать.

Так, в «Работнице» мать-героиня М. И. Дорохина рассказывает: «Пятьдесят четыре года живём мы вместе с мужем, золотую свадьбу сыграли, уж пора расходиться, да больно мы влюблены друг в друга» — посмеивается она. «Наше со стариком жилище — узловая станция, центральный сборный пункт. Все сюда бегут на «мамыны пироги». Одних внуков пятнадцать душ. Новый год вместе встречаем. В позапрошлом году все собрались — 60 человек — с жёнами, мужьями, внуками» [15]. Вот он — нормативный образец, к которому призывала советская пропаганда.

В послевоенный период часто главой семьи становилась женщина — работница и мать. Важной чертой образа женщины стало совмещение ею материнских обязанностей с участием в общественном производстве, а также занятиями домашним хозяйством. Малую долю работы, связанной с ведением домашнего хозяйства, взяли на себя предприятия бытового обслуживания, но, согласно источнику, Советская власть продолжала активную разработку этого вопроса, понимая, что система бытового обслуживания — это витрина экономической системы, а плохая витрина не способствует престижу того, что она представляет [16].

Сельская женщина испытывала трудности при совмещении своих обязанностей в большей степени, чем городская. Наличие мужчины в её доме было более принципиальным — уход за скотом, рубка дров, ремонт — требовали «неженских» усилий. Зато город имел свои определённые «минусы»: уход за детьми обходился дороже, воспитание сложнее. Так,

заклучили, что добрачная половая жизнь женской части молодёжи начиналась в городе раньше, как несомкшее «психологическое эхо» войны и недостаток нравственного воспитания. Для города более характерны были разводы и семьи без отцов [16, с. 51]. Конечно, подобная информация редко появлялась на страницах массовой печати, но имела место в реальности. Как верно замечает в своей работе А.А. Сальникова: «Всё, что было маргинально, что не вписывалось в концепцию «счастливого советского детства», подлежало умолчанию и забвению» [17].

Известно и то, что в городе было больше соблазнов, дурных влияний. Дети часто были предоставлены сами себе, родители не имели возможности их контролировать, поскольку производство было отдалено от жизни семьи и дети виделись с родителями лишь в послерабочее время [16, с. 23]. Эти дети жили в «послевоенном дворе» — особом мире со своими нормами поведения и формами социального контроля. «Двор» и сформировал идеологию целого поколения. Это были люди «команды», уважающие законы дворового братства [18].

Конечно, представленные в печати дети неподконтрольными не выглядели. Согласно источнику, они не шатались по улицам и, конечно, не сидели без дела, поскольку коммунистическая мораль с её нетерпимостью к пустой трате времени даже свободное время предполагала под занятия полезными делами. Советское государство делало ставку на систему общественного воспитания детей, позволяющую не только освободить женщину, но и гарантирующую должное коммунистическое воспитание [6, с. 80]. Советские дети росли в коллективе: младшего и дошкольного возраста — в яслях и детских садах, школьники проводили свободное время в группах продлённого дня, на каникулах — в пионерских лагерях и санаториях. Определённые недоработки этой системы нам демонстрирует сам источник. Яслями матери не всегда охотно пользовались, так как на первом году жизни дети часто болеют, кроме того, ясли нередко находились далеко от дома, были недостаточно благоустроены, переполнены. Тем не менее на получение мест в яслях была большая очередь [9, с. 149]. Причиной нехватки мест в яслях и детских садах власти называли безответственное отношение многих работников к использованию средств, отпускаемых государством на эти цели. План капитального строительства выполнялся неполно, многие типовые здания детских садов были заняты другими учреждениями, что находило прямую перекличку с современной нам действительностью.

Но всё же ключевая роль в воспитании отводилась семье, функции которой сводились не только к рождению ребёнка и физическому уходу за ним, но и к всестороннему воспитанию, духовному и интеллектуальному развитию. Подчёркивалось: «Чем лучше будет воспитано молодое поколение, тем быстрее страна придёт к сияющим вершинам коммунизма» [19]. Но государство всё же оставляло за собой право решительно вмешиваться в семейные отношения и брать детей под свою защиту, если того требовали интересы социалистического общества и интересы ребёнка. Советский семейно-брачный закон предоставлял право лишать родительских прав тех, кто по отношению к своим детям нарушал требования социалистической морали. Но подобные явления, как правило, скрывались от глаз окружающих как дела «внутрисемейные».

За одинокой матерью, не имеющей возможности воспитывать своего ребёнка, оставалось право

отдать его на попечение государственных учреждений — дома младенца или детского дома. При этом она не лишалась права вернуть его обратно [20]. Всё это имело место на практике, но на страницах официальных изданий такие случаи единичны.

Мать-одиночка — типичный персонаж послевоенных журналов, но это не женщина, расторгнувшая брачные отношения в силу тех или иных причин, это убитая горем, но не опустившая рук жена павшего воина, отдающая всю энергию на участие в восстановлении народного хозяйства и совместное с государством и коллективом воспитание своих сирот.

Как видим, официальная социалистическая печать наделяет семейно-брачные отношения в советском государстве ключевыми позитивными характеристиками. Но не нужно в этом каноне положительных характеристик искать негатив, предполагая, что созданный в советской печати образ лишь результатом деятельности власти, цензоров и журналистов. Этот «благополучный образ» находил своё приложение в действительности.

Как мы можем заметить на основе источников, в послевоенной действительности существовал и целый ряд отклонений от норм морали советского общества: голодающие крестьяне, воры, дезертиры с производств, прогульщики. В этом обществе действительно имели место разводы, аборт, пьянство и преступность, голодное и бездомное детство и безнравственность, но не более чем в любом другом обществе. Сам факт того, что идеология государства была обращена на создание нового, пусть утопического, но прогрессивного, здорового, благополучного общества, говорит о том, что это общество стремилось двигаться вперёд. Иными словами, представленный в печати образ включал в себя не только социалистические ценности, но и ценности вечные, пропаганда которых свидетельствует о разумности системы.

Таким образом, мы можем заключить, что Советская власть, в зависимости от стоящих перед ней задач, использовала этот образ достаточно грамотно. Это заставляет задуматься о необходимости обращения к советскому опыту идеологического конструирования, который предполагал укрепление института брака, рост грамотности и занятость населения хотя бы в своих теоретических основаниях.

Библиографический список

1. Большая Советская энциклопедия. В 65 т. Т. 50. — М.: Советская энциклопедия. — ОГИЗ, 1944. — С. 766 — 771.
2. Дашкова, Т. Идеология и кинорепрезентация (любовь и быт в советских фильмах 30 — 50-х гг.) / Т. Дашкова // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. ст. — Саратов, 2007. — С. 212.
3. Лубан, Л. О жизни одной фабрики / Л. Лубан // Работница. — 1948. — № 11. — С. 4.
4. Рязанова, Е. Профсоюзный организатор / Е. Рязанова // Работница. — 1951. — № 7. — С. 8.
5. Добровольский, Н. Большая любовь / Н. Добровольский // Работница. — 1953. — № 6. — С. 27.
6. Стародуб, В. И. Женщина — труженица и мать / В. И. Стародуб. — Л.: Лениздат, 1967. — С. 6.
7. Рихтер, З. В новых домах / З. Рихтер // Работница. — 1951. — № 1. — С. 12.
8. По письмам в редакцию // Крестьянка. — 1952. — № 7. — С. 30.
9. Женщины на работе и дома / Гл. ред. Д. И. Валентей. — М.: Статистика, 1978. — С. 15.
10. Белякова, В. Начало жизни / В. Белякова // Работница. — 1953. — № 9. — С. 19.

11. Женская консультация : рук. для врачей и студентов / Ред. Л. С. Персианинов. — Минск, 1958. — С. 7.
12. Агатова, Д. Роды без боли / Д. Агатова // Советская женщина. — 1951. — № 2. — С. 39.
13. Карманова, Е. Закон в действии / Е. Карманова // Работница. — 1949. — № 7. — С. 3.
14. Женщины и дети в СССР : стат. сборник. — М. : ГОССТАТИЗДАТ, 1963. — С. 47.
15. Викторова, Е. С новым годом, мать героиня! [Текст] / Е. Викторова // Работница. — 1951. — № 12. — С. 24.
16. Харчев, А. Г. Быт и семья в социалистическом обществе. — Л., 1968. — С. 15.
17. Сальникова, А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования / А. А. Сальникова. — Казань, 2007. — С. 151.
18. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. / Е. Ю. Зубкова. — М. : РОССПЭН, 1999. — С. 143.

19. Александров, Б. Об авторитете матери / Б. Александров // Работница. — 1949. — № 3. — С. 15.

20. Мясникова, А. Советские законы о семье и браке / А. Мясникова // Советская женщина. — 1947. — № 1. — С. 50.

ДНЕПРОВСКАЯ Алёна Александровна, магистр истории по направлению «Историография отечественной истории», соискатель кафедры современной отечественной истории и историографии, младший научный сотрудник УНИР ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

Адрес для переписки: e-mail: Dneprovskayaa@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.03.2011 г.

© А. А. Днепровская

УДК 930.2

А. А. ПОПОВА

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ЖУРНАЛ «КРОКОДИЛ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО РЕКОНСТРУКЦИИ ВИЗУАЛЬНОГО НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА СОВЕТСКОГО МУЖЧИНЫ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1945—1955 гг.)

В статье речь идет о том, как советская идеологическая система в послевоенное десятилетие формировала в сознании граждан представление о недопустимых характеристиках образа мужчины. Для этого использовались, в том числе, и визуальные ресурсы популярного сатирического журнала. Выявленные зримые коды советского идеологического творчества могут быть сопоставлены с реальными представлениями общества 1945—1955 гг. о мужчине.

Ключевые слова: мужчина, образ, реконструкция, журнал «Крокодил», советский период.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по образованию в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2012 гг.», государственный контракт 14.740.11.0569.

Образ, формируемый в сознании человека, — явление многогранное и актуальное для современных гуманитарных исследований. Мы черпаем в прошлом не только факты, но и общественные представления о них, которые оказываются не менее важными и ценными для понимания узора эпохи.

В рамках гендерного подхода давно и продуктивно изучается женский образ, при этом проблемное поле данного направления должно включать и реконструкцию мужского образа. Указанная операция применительно к отрезку 1945—1955 гг. вызывает интерес, поскольку именно в этот сложный психологический и социально-демографический период общество всё же сумело создать непревзойдённый

по силе воздействия идеал мужественности.

Любой образ, в частности мужской, имеет некую базовую — инвариантную часть, общую для всех носителей и вариативную, отражающую жизненный путь субъекта. Для советской эпохи характерен и ещё один компонент, акцентирующий идеологическую часть образа советского мужчины, как форму истолкования и освоения объекта с позиции определённого, заданного нормой идеала. Основным методом конструирования нормы мужественности выступала вся совокупность советской идеологической дискурсивной практики, где последняя не столько отражала представление об участниках советской повседневности, сколько формировала его.

Выбор источника для нас не случаен — журнал «Крокодил» был важной составляющей всего комплекса советского дискурса и нёс в себе важное преимущество, ведь лишь сатирическим изданиям было позволено демонстрировать негативную сторону советской действительности, в том числе мужской натуры. Причём мы настаиваем, что журнал не столько отражал этот феномен, а именно задавал его для общественных представлений. Сатирическое изображение, как форма визуального искусства, входило составной частью в политический дискурс социалистического государства. Негативный образ мужчины должен был выступать в качестве вспомогательного морально-нравственного компонента в перевоспитании масс, демонстрируя всю неприглядность и уничижительность «несоветского поведения».

Предмет исследования в данной статье — образ мужчины через спектр изображения антисоциальных проявлений. Объект исследования — журнал «Крокодил», иллюстративный ряд которого представляет для нас особый интерес. Мы попытаемся выявить ряд зримых кодов социализма, свойственных негативному мужскому образу и продемонстрировать способы их формирования в рамках советского идеологического дискурса.

Прежде чем начать непосредственный поиск мужских негативных образов и способов их реконструкции несколько слов о журнале. Основан журнал «Крокодил» в 1922 г. С тех пор «красный ехидный крокодил» на долгие годы остался бессменной эмблемой издания. Появление советского гражданина в качестве персонажа в рубрике «Вилы в бок» можно приравнять к полному социальному уничтожению. В 1930-е годы на фоне повального закрытия изданий, «Крокодил» остался единственным в стране разрешённым сатирическим журналом. Сатира «Крокодила» не ограничивалась бытовыми темами — разоблачениями бюрократов, пьяниц, взяточников, халтурщиков, стилияг, а также критикой некомпетентных руководителей среднего и низшего звена. В число тем входили ключевые вопросы и центральные события внутренней и внешней политики, они протирались от обличений Льва Троцкого, «шпионов» и «врагов народа» до бичевания «западногерманского реваншизма», «американского империализма» и его «сателлитов», «колониализма», НАТО и т.п. Тираж журнала был внушителен: в 1947 г. — 150 тыс. экземпляров, в 1952 г. — 300 тыс. экземпляров, причём выходить журнал начал три раза в месяц.

Рубрикация журнала в интересующий нас период мало подвергалась изменениям. Выделялись такие рубрики как: «Вилы в бок», освещавшая самые насущные общественно-политические вопросы, «Путевые заметки «Крокодила», отчитывающиеся о путешествиях корреспондентов, разоблачительная рубрика «Сообщаем адреса», «Маленькие рассказы», «Отрывки из ненаписанного», «Дорогой Крокодил» — письма читателей, «Крокодил помог» — отзывы на письма читателей, «Детская вкладка «Крокодила», «Библиотечка «Крокодила» и, конечно же, масса стихов и фельетонов. Журнал с его острой сатирой читали действительно широкие и разнообразные слои населения: им не гнушалась интеллигенция, труженики и селяне откровенно смеялись над острыми пародиями и замечаниями.

Стоимость издания с 1945 по 1955 гг. не поднималась выше 2-х руб. При этом необходимо отметить, что широкой популярностью пользовалась подписка на издание, а не только его розничное приобретение. Так, попадая в руки одного читателя, «Крокодил» мог

продолжить свой путь по знакомым, соседям, а также парикмахерским, прачечным и «красным углам», тем самым расширяя круг своих поклонников.

Познакомившись со структурой журнала, можно рассмотреть его внешнюю информативность, доступную для визуальной оценки. На ранних этапах существования журнал был выполнен на «газетной» бумаге, довольно низкого качества, с плохой полиграфией и в основном в чёрно-белых тонах. К концу 1950-х гг. страницы «Крокодила» станут более гладкими и однородными по фактуре, а с 1948 г. на них начнёт проникать цвет: яркий и разнообразный, способствующий восприятию информации зрительной и содержательной.

Иллюстративный ряд «Крокодила» требует отдельных комментариев. Его специфические рисунки сами по себе являются достоянием искусства соцреализма. Шаржи, карикатуры и зарисовки, сопровождающие информацию, а иногда заменяющие её, создавались целым рядом художников, в частности легендарными Кукрыниксами (М. В. Куприянов, П. Н. Крылов, Н. А. Соколов) — людьми, внесшими серьёзный вклад не только в советское, но и в мировое искусство. В «Крокодиле» же они репрезентовали многочисленные образы советских и «несоветских» людей, мужчин преимущественно. Эти художники на долгие годы задали определённый стандарт в сатирическом изображении положительных и отрицательных героев советского социума.

«Крокодил» сохраняет общую тенденцию периода, а именно обилие красного цвета на обложке — цвета призыва и пламени, «цвета побеждающей жизни, свободы и дерзаний» [1]. По-советски выдержан и орнамент, включающий характерные элементы государственного герба, ордена и орденские ленты. В 1945 г. на обложках «Крокодила» только военная тематика, в 1946-1948 гг. окончательно устанавливается тематика мирного времени... во всех журналах кроме «Крокодила», что и не заставляло ждать постановления ЦК партии от 1948 г. «О мерах по улучшению журнала "Крокодил"», который был раскритикован за низкое качество и отрыв редакции от жизни с её мирной восстановительной проблематикой. Интересно отметить, что редакция журнала, вняв критике, изменила характер содержания, но в 1952 г. выходит второе постановление, уже с упреком в перегибе — выдавать частные случаи за типичные недопустимо. Перестарались! Вот яркий показатель того, что идеология допускала высмеивание и бичевание единичных промахов, но демонстрация негативных общественных тенденций и массовых явлений была недопустима.

Вообще, обложка данного издания — это прекрасный иллюстративный ряд для истории страны. «Крокодил» был сатиричен и карикатурен, демонстрировал на титульной странице общественные настроения. Общим для всех титульных композиций является одно — включённый в них советский мужчина счастлив, будь он один, с семьёй или в коллективе, за работой, на учёбе или на отдыхе, пребывание в советском обществе делает его цветущим и довольным. Например, на обложке одного из номеров улыбающийся мужчина в автомобиле с надписью: «Москвич в "Москвиче"» [2]. Конечно, дело обстояло так, если герой положительный, антипод же советской мужественности всегда попираем мужчиной-героем и смешон, выставлялся в самом невыгодном, нелицеприятном свете.

Нами был проведён анализ иллюстративного содержания выпусков журнала с 1945 по 1955 гг. и вы-

явлены основные типы изображения негативного образа советского мужчины, а следовательно, и той социальной проблематики, которую они представляли. Поскольку изображение было рисованным, а не фотографическим, параметры и направленность задавались ему без труда. В большинстве случаев картинка даже не нуждается в прочтении подписи, т.к. отрицательный герой очевиден. Мужчина, характеризующийся положительно, изображается, как и на фотографиях, согласно принятой норме — совместно или на фоне своего орудия труда: станка, автомобиля, кирки, пробирки, автомата и т.п. По сути, не столь важно, что служило антуражем его изображения, ведь что бы то ни было — это продолжение мужской натуры — деятельной и полезной социуму. А вот у отрицательных героев были свои специфические грани.

Вообще, было принято подвергать критике и высмеиванию публичные, общественные мужские пороки, что касается семейных, более личных ценностей, то они в подаче «Крокодила» количественно серьёзно уступают. Объяснение здесь довольно простое — демографическая обстановка десятилетия, вызванная к жизни послевоенной гендерной диспропорцией. Героев на роль мужа-возлюбленного попросту не хватало: лагеря и фронт расставили свои акценты на половом соотношении. Так что вместо трудных взаимоотношений с любимым советский миф предложил надёжную отеческую любовь, единение с самой прогрессивной идеей, участие в построении рая на земле [3]. А что касается отцовских обязанностей, то их можно разделить и с женщиной, поэтому количество изображений мужчины-отца отдано на откуп многочисленным изображениям женщины-матери. Хотя всё же определённый типаж здесь мы выделяем — отметим популярное изображение чрезмерно занятых отцов, мужей, «делегировавших» все свои полномочия жёнам и неблагодарных сыновей, сидящих «на шее» у престарелых родителей. Например, изображение измученной женщины, занимающейся покраской забора и курящий, праздный муж на заднем фоне [4]. Ещё пример семейной тематики: лежащий на диване папаша и жалующийся на его отпрыска сосед: «Ваш сын хулиган, Вы его плохо воспитали! — Неправда... я его неделями в глаза не вижу» [5]. Изображаемые в этом ключе мужчины, как правило, небрежно одеты, допустим халат для интеллигента или растянутая майка для представителя среднего класса. Всего эти изображения представляют примерно одну треть от массы всех негативных героев, мы выявили около 110 изображений данного характера за десятилетие.

Частная жизнь находила так же своё отражение в карикатурах на франтовство, а позже и на стиль как социальное явление, на поиск приключений мужчинами — всё это осуждалось в послевоенной психологической обстановке. Например, щеголеватой одетый молодой человек, рядом с со смущенной дамой, с подстрочником: «Вы женаты? Вот не думала! — Я и сам об этом не думаю никогда» [6]. В таких случаях мужчина разодет, напыщен с непременным пышным чубом и кепкой, сдвинутой набок. Нами выявлено 40 подобных изображений.

Заметим также, что изображая мужчин-трудящихся, наибольшему бичеванию подлежали интеллигенция, чиновничество, представители торговли, реже сельские работники, почти никогда работники крупных городских предприятий, видимо, всё же пальма первенства в формировании положительных

образов была именно у производственных рабочих. Редкое исключение — двое рабочих с подписью: «Иванов работал так, что покурить было некогда. Петров курил так, что работать было некогда. А, в общем, среднесуточную норму, по словам Петрова, они выполнили» [7]. Где Петров небрит, неопрятен... и с папирсой. Конечно, никакой антгиникотиновой компании страна в тот период не знала, но вот для изображения антигероя сигарета стала устойчивым признаком лени и безделья. В целом же, образ рабочего был самодостаточным, не нуждающимся в контексте своей специальности, в то время как работники сельского хозяйства были приправлены соответствующим антуражем: неременная шапка-ушанка, тулуп, рукавицы, оттого даже летние выпуски «Крокодила» часто демонстрируют зимний фон. Тема лени оставалась едва ли не центральной по количеству изображений — 172 изображения за период 1945 — 1955 гг.

Был и другой тип изображения туineaдда, лентяя и бездельника — полный мужчина, позволивший себе «пивной» животик, уткнувшийся в газету и возлежащий на диване, но он касался уже не рабочих специальностей, а интеллигенции, которая бичевалась без стеснения в средствах. Если же полный мужчина, но невысокого роста и с «масляным личиком» был изображён в представительном костюме в обстановке присутственных мест — это скорее образ казнокрада, бюрократа, взяточника и «хапуги». Вот, например, надпись, сопровождающая подобное изображение чиновника у кассы: «Там, где речь о личной выгоде, у него глаза на выкате» [8]. Лишь вопросы бюрократии, взяточничества, мздоимства были актуальнее лени и туineaдства — 252 материала за десятилетие.

Худой, долговязый мужчина с хитрым выражением лица олицетворял шпиона, проныру, предателя, подхалима, доносчика — а значит, ещё целый спектр недопустимых для мужчины ролей. Это изображение отмечаем в 118 случаях.

Казалось бы, канон для изображения пьяницы и хулигана в этом жанре должен быть неизменен — и это так: небритое лицо, неряшливая одежда и непременный красный нос, но вот что удивительно, сами эти изображения настолько редкое явление, а если и фигурируют, то в качестве фона к иной проблеме. Видимо, сатира выделяла для себя более важные задачи в воспитательном формате, чем искоренение пьянства, т.к. представлена проблема была 88-ю избразительными материалами.

Высмеиванию подлежали две крайности тяги к знаниям: её отсутствие, и как следствие нежелание учиться, и её чрезмерное присутствие, вернее, тяга к оцениванию и признанию. Например, изображение диалога двух мужчин учёного вида (очки, костюм, лысина, серьёзное лицо): «Какое значение имеет Ваша диссертация? — Огромное, я получу степень кандидата наук». В руках одного из мужчин красуется диссертация с названием: «Яйценоскость и хозяйственное использование африканского удава» [9]. Представители же мужского пола, не имеющие тяги к саморазвитию и росту, изображались различно, но всегда с тяжёлым подбородком, маленькими глазками...и чешущей затылок рукой — наиболее типичный метод демонстрации недалёкости ума. Эта тематика отмечена нами в содержании за указанный период в 122-х изображениях.

Так же привычной темой для высмеивания становится писательство, как явление, свойственное не желающим трудиться на ином поприще, а также отчётливо отражающее антиинтеллигентские пози-

ции. Мужчины-писатели, или «бумагомаратели», как их тогда называли, изображались праздными, задумчивыми с неизменными атрибутами западных представителей ремесла — шарф, шейный платок, берет, в то время как настоящим писателем, в советском смысле этого слова, был представлен образ В. Маяковского, регулярно изображаемого на страницах «Крокодила». Отмечаем подобные иллюстрации 90 раз за 1945–1955 гг.

По мере нарастания тенденций «холодной войны» увеличивается, а к 50-м гг. становятся лидирующими изображения западных политиков и лидеров — 388 изображений за указанный период. Эти зарисовки были карикатурны, но настолько узнаваемы и актуальны на фоне тех дней, что часто не снабжались комментариями. У «Крокодила» даже появилась своя галерея портретов «врагов» Советской власти: «Крокодильская коллекция коллекционеров» [10], вышедшая в одном из номеров. Здесь западные лидеры, ровно как и часть рядовых граждан, всегда снабжены атрибутикой капитализма: меха и украшения, нередко элементы американского флага в одежде. Во внешности преобладает крупный, грузный торс, тонкие ноги, заплывшее лицо и выражение деградации на нём. Например, разделившие одно изображение «американский миллионер» — толстый и обрюзгший и «Миллионер тов. Иванов» (председатель колхоза-миллионника) — атлетически сложенный, аккуратный мужчина [11].

Но был и другой тип изображения западных граждан, а именно, трудящейся части населения: приятная внешность, но поникшее, обескровленное лицо, опущенная голова и непременно сутулые плечи — всё в облике должно вызывать сочувствие к рабочим капиталистических стран, но... и осуждение их бездействия и смиренности. Подобные иллюстрации можно выделить почти в каждом номере (388 иллюстраций за десятилетие).

Первые послевоенные годы лидирующее количество изображений отдано врагу №1 — Адольфу Гитлеру: как только его не рисовали, в каких только ипостасях он не был представлен, но интересно другое, что со временем его тип внешности перекочевал в образы совершенно иных героев, имеющих отношение к разным социальным недугам, но всегда с негативной окраской. Так уж повелось у карикатуристов, что мелкий, сухощавый мужчина с залысиной и усиками-щёткой — стал завсегдатаем журнала «Крокодил». В частности задумчивый мужчина-брюнет с усиками, сухощавый и слишком похожий на недавнего лидера фашизма, задумчиво размышляет, глядя на ряд различных семейных фотографий: «Я понимаю, что надо укрепить семью, но которую?!» [12]. Такие персонажи встретились нам 120 раз за указанный отрезок времени.

Почти не подлежали высмеиванию военные, разве что вызывали добрую улыбку всё ещё полную гражданской признательности. Например, изображение двух статных, красивых офицеров за учебниками, сопровождаемое диалогом: «Ты что проходишь по географии? — Европу, на этот раз по учебнику» [13]. Встречаем подобные шаржи только 28 раз за весь период. В соответствии с этой ситуацией военная форма не была антуражем антигероев, хотя в действительности в неё была одета вся послевоенная страна, в том числе и худшие представители мужского пола.

И, конечно, ни в смысловой нагрузке, ни в подписи не нуждалось изображение отечественных партийных деятелей и тов. Сталина во главе. Эти

изображения стандартизированы, лишены карикатурности, имеют портретное сходство и высоко положительное эмоциональное содержание, являя собой, по словам В. Боннел, «сакральный центр социалистической иконографии» [14].

Основные темы в изображениях журнала «Крокодил» — это отрицательные характеристики, свойственные мужчинам 1945–1955 гг., которые подлежали перевоспитанию и искоренению из советской реальности. Иллюстративный ряд журнала предполагал целое поле антинормативных явлений, в него были включены: рвачи, бракоделы, лодыри, тунеядцы, стяжатели, взяточники, бюрократы, воры, хулиганы, жулики, завистники, нарушители трудовой дисциплины, политически неактивные граждане, стилиги, мужья, уклоняющиеся от уплаты алиментов, склонные к употреблению алкоголя. С другой стороны, ещё раньше сложилась «система врагов» советского государства, которые тоже нашли своё отражение в журнале: вредитель, буржуазный интеллигент, отсталый директор завода, капиталист, шпион, враг народа.

Нельзя не отметить, что в рамки «антиканона» гораздо чаще попадали именно мужчины. Страницы послевоенного «Крокодила» — лучшее тому подтверждение, едва ли представляется возможным отыскать высмеиваемые и осуждаемые роли женщин, зато тунеядцами-, казнокрадами-, бюрократами-мужчинами шаржи пестрят. С одной стороны, можно сделать вывод, что женщины реже проявляли себя в негативных параметрах, но у этой тенденции есть и второй аспект — значимость пола, а именно: ни демографическая диспропорция, ни женский подвиг не изменили гендерную ситуацию — идеальным советским гражданином мыслился мужчина, а значит, основные воспитательные и идеологические тенденции были направлены на него.

Проделанная нами работа по выявлению основных негативных образов в идеологически нормированном журнале позволяет в дальнейшем сопоставить их с теми образами, которые содержала социальная реальность той эпохи, основываясь на других источниках и понять, насколько точно и эффективно сатира «Крокодила» формировала предел допустимости негативных явлений в мужском поведении. Были ли эти проблемы самыми актуальными для граждан, или они должны были ими стать с подачи власти, а на всё остальное она готова была закрыть «всевидящее» око?

Библиографический список

1. Диденко, И. А. Изобразительные средства в агитации и пропаганде / И. А. Диденко, А. М. Островенец, Б. В. Циглер. — М.: Сов. Россия. — 1962. — С. 45.
2. Крокодил [Изоматериал] — 1947. — № 6.
3. Ажгихина, Н. И. Гендерные стереотипы в современных масс-медиа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.book.femin.ru/ig/ig015.php> (дата обращения: 2.10.2010).
4. Крокодил [Изоматериал] — 1949. — № 3. — С. 8.
5. Крокодил [Изоматериал] — 1949. — № 9. — С. 6.
6. Крокодил [Изоматериал] — 1953. — № 19. — С. 12.
7. Крокодил [Изоматериал] — 1947. — № 2. — С. 5.
8. Крокодил [Изоматериал] — 1953. — № 20. — С. 11.
9. Крокодил [Изоматериал] — 1953. — № 2. — С. 13.
10. Крокодил [Изоматериал] — 1953. — № 3. — С. 2.
11. Крокодил [Изоматериал] — 1947. — № 8. — С. 7.
12. Крокодил [Изоматериал] — 1953. — № 1. — С. 12.
13. Крокодил [Изоматериал] — 1947. — № 4. — С. 3.
14. Боннел, В. Иконография рабочего в советском полити-

ПОПОВА Анастасия Александровна, магистрант по направлению «История исторической науки

Статья поступила в редакцию 03.03.2011 г.

© А. А. Попова

УДК 94(470)''19/...''

В. Ф. ТЕРЕХОВ
П. В. НОВИКОВ

Омский государственный
технический университет

ЛИЧНОСТЬ П. А. СТОЛЫПИНА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ

В научной публикации на основе источников личного происхождения показано восприятие современниками личности П. А. Столыпина. Мемуарные источники в своей совокупности расширяют представления об облике, личных и деловых качествах, роли П. А. Столыпина в подготовке и реализации системных преобразований России начала XX в.

Ключевые слова: П. А. Столыпин, личностные характеристики, источники личного происхождения, информативный потенциал источника, реформаторская деятельность.

Личность П. А. Столыпина и его реформаторская деятельность вызывали и вызывают неоднозначные оценки как у современников, так и у потомков. Основываясь, казалось бы, на одних и тех же данных, они приходят к зачастую диаметрально противоположным выводам. Именно эта неоднозначность, желание самостоятельно изучить этот вопрос, составить собственное мнение о столь значительном человеке в истории России XX в., а также изучение многогранной личности самого П. А. Столыпина, и привлекли наше внимание к данной теме. Еще одна причина, повлиявшая на наш выбор, — ее несомненная актуальность: сегодня не менее чем в начале XX столетия ощущается необходимость реформы социально-экономических отношений, перевода их на качественно новый уровень развития, и опыт П. А. Столыпина может быть интересен нынешним реформаторам и политической элите.

Каким человеком был П. А. Столыпин? Как он выглядел? Какими чертами характера обладал? Ответить на все эти вопросы достаточно сложно. Сегодня можно опираться в основном только на малочисленные архивные документы, отрывочные воспоминания родственников и современников.

В. В. Шульгин описывает П. А. Столыпина как человека «высокого роста, брюнета, красивого мужчину. Он был таким, каким и должен быть настоящий министр Великой России: внушительен, величествен в осанке, безукоризненно и не без легкого щегольства одет» [1].

Фотографии этого периода жизни показывают его истинным русским барином — солидным и серьезным, вальяжным и уверенным в себе, сильным и знающим себе цену лидером государства.

Один из крестьян, видевший Петра Аркадьевича в период Саратовского губернаторства, вспоминал: «Высокий рост, кося сажень в плечах, что не меша-

ло стройности его фигуры; соколиный взгляд; властный тон — придавал ему вид достойного представителя власти, начальника и хозяина губернии» [2].

Краткое и четкое описание Столыпина дал в 1909 г. посол Франции в России Ж. Луи. В своих тетрадях он писал: «Столыпин. Очень сильный, красивый мужчина, но усталый, слишком много работает. Еще молод... Возвышенная личность, безупречная честность, целостный; очень умеренный; к нему хорошо относится общественное мнение; его уход будет не яркий; закрытый» [3].

Вот таким человеком он был и вошел в историю имперской России. Властным и чуть надменным, спокойным и сильным, красивым и безупречно честным, с щегольскими усами и бородкой, с высоким лбом, заметно лысеющим, отнюдь не богатырского здоровья, слегка манерным и беззаветно храбрым. Все признают, что он был настоящим вождем, лидером, хозяином, волевой натурой. Личностью с большой буквы.

Среди свидетельств современников Столыпина, заслуживающих доверия, приоритет, безусловно, принадлежит С. Е. Крыжановскому. Во-первых, он был ближайшим соратником Столыпина в качестве товарища министра внутренних дел, хорошо изучил своего шефа, находился и курсе всех его планов и начинаний, досконально знал политическую кухню в тех «сферах» и «коридорах власти».

Во-вторых, несмотря на свои некоторые несогласия и оговорки, он являлся горячим сторонником политического курса Столыпина, высоко ценил его как личность и государственного деятеля.

В-третьих, свою оценку Столыпина он дает не по случаю, а в специальном, очень продуманном очерке, который, соответственно, озаглавлен «П. А. Столыпин».

По мнению С. Е. Крыжановского, главное отличие Столыпина от предшественников состояло в

его «нетрадиционности». Это не был, как его предшественники, обычный министр-бюрократ. Он предстал перед обществом как «новый героический образ вождя». И эти черты, подчеркивал Крыжановский, «действительно были ему присущи», чему способствовали «высокий рост, несомненное и всем очевидное мужество, умение держаться на людях, красно говорить, пустить крылатое слово, все это в связи с ореолом победителя революции довершало впечатление и влекло к нему сердца» [4, т. 1, с. 422]. На самом деле Столыпин был не вождь, а человек, изображавший из себя вождя. «Драматический темперамент Петра Аркадьевича захватывал восторженные души, чем, быть может, и объясняется обилие женских поклонниц его ораторских талантов. Слушать его ходили в Думу, как в театр, а актер он был превосходный» — отмечал С. Е. Крыжановский. Он «был баловень судьбы... все это досталось ему само собою и притом во время и в условиях, наиболее для него благоприятных». Достиг он «власти без труда и борьбы, силою одной лишь удачи и родственных связей» [4, т. 1, с. 422].

Даже его физические недостатки шли ему на пользу. В результате когда-то перенесенного воспаления легких у него было короткое дыхание, приводившее к вынужденным остановкам во время выступления. И этот «спазм, прерывавший речь, производил впечатление бурного прилива чувств и сдерживаемой силы». В свою очередь, искривленная во время операции рука «рождала слухи о романтической дуэли» [4, т. 1, с. 422].

А взрыв дачи на Аптекарском острове привлек к нему самые широкие симпатии. Если же отвлечься от всего этого, пишет Крыжановский, следует признать, что подлинная суть дела состояла в том, что «к власти Столыпин пришел в то самое время, когда революция, охватившая окраины, а отчасти и центр России, была уже подавлена энергией П. Н. Дурново» [4, т. 1, с. 423].

Отзыв С. Е. Крыжановского лишней раз доказывает то негативное отношение к П. А. Столыпину, которое было распространено среди чиновников.

Надо сказать, что советская историческая наука в последние десятилетия всегда более благосклонно относилась к С. Ю. Витте, чем к П. А. Столыпину. Первого называли гениальным и даже великим государственным деятелем, а на второго вешали ругательные ярлыки [4, т. 1, с. 415].

Этот стереотип связан с «левизной» взглядов С. Ю. Витте, которые делали его более приемлемым в глазах советских идеологов и историков. Хотя и до, и после революции Витте был для коммунистов таким же «приспешником царизма» как и Столыпин. Витте и Столыпин никогда по работе не сталкивались, но, тем не менее, большая часть мемуаров Витте посвящена именно Столыпину, который, как пишет Витте, «несправедливо отнял у него должность и славу» [4, т. 1, с. 416].

Доказательством этому конфликту может служить воспоминание сотрудника Столыпина и Витте И. И. Тхоржевского, который указывал: «К несчастью для своей репутации, Витте оставил свои мемуары, богатейший и в общем довольно правдивый материал о русском прошлом; но вместе с тем они облагают его неискоренимую нравственную вульгарность: дышат личной злобой против государя, уволившего Витте от власти, и ненавистью к Столыпину, успешно его заменившему» [5].

В воспоминаниях Витте нет ни одного человека той эпохи, кого бы ни описал автор с плохой сторо-

ны. Например, это можно проследить в следующих характеристиках: «Столыпин был человеком с большим темпераментом, человеком храбрым, и пока ум и душа его не помutilись властью, он был человеком честным» [6, с. 532].

«Будучи председателем Совета министров, своим темпераментом, своей храбростью Столыпин принес некоторую дозу пользы, но если эту пользу сравнить с тем вредом, который он нанес, то польза эта окажется микроскопической» [6, с. 532].

«В своем беспутном управлении Столыпин не придерживался никаких принципов, он развратил Россию, окончательно развратил русскую администрацию...» [6, с. 532].

«...У Столыпина нигде не было сердца — ни в груди, ни в голове» [6, с. 532].

С. Ю. Витте также дает жесткую характеристику профессиональным качествам Столыпина: «Сила Столыпина заключалась в одном его несомненном достоинстве, это — в его темпераменте. По темпераменту Столыпин был государственный человек, и если бы у него был соответствующий ум, соответствующее образование и опыт, то он был бы вполне государственным человеком. Но в том-то и была беда, что при большом темпераменте Столыпин обладал крайне поверхностным умом и почти полным отсутствием государственной культуры и образования. По образованию и уму ввиду неуравновешенности этих качеств Столыпин представлял собой тип штык-юнкера. Но государю и придворной партии, по-видимому, нравилась его отважность и его храбрость; что же касается других качеств, то для их оценки их не было достаточно компетентных судей» [6, с. 423–424].

Здесь налицо предвзятое отношение к Столыпину, Витте его показывает серым человеком, понятия не имеющим о государственной службе.

Приведем портрет Столыпина, нарисованный его сотрудником князем А. В. Оболенским: «Высокий, представительный, великолепно воспитанный, всесторонне образованный; говорил громко, убедительно. Большим благородством веяло от его слов и поступков, что располагало к нему даже его политических противников. В нужных случаях он действовал решительно... Был он примерным семьянином. Гостеприимный, радушный, веселый и остроумный, когда не был чем-то озабочен; он был образцом всех мужских добродетелей. Строгий к себе и снисходительный к ошибкам подчиненных. Он не был честолюбив, и все неблагородное и нечистое было противно его высокой душе» [7].

Нам интересно мнение В. А. Маклакова об ораторском даре Столыпина: «Я тогда первый раз его услышал; он меня поразил, как неизвестный мне до тех пор первоклассный оратор, никого из наших парламентариев я не мог бы поставить выше его. Ясное построение речи, сжатый, красивый и меткий язык и, наконец, гармоническое сочетание тона и содержания» [8].

Стоит согласиться с мнением Маклакова о том, что «в литературе о Столыпине больше преувеличений и страстей, чем справедливости», а также с тем, что «Столыпин был более подходящим человеком на конституционной арене, чем Витте, в котором оба противоположных лагеря видели перебежчика» [8].

Ещё большего внимания вызывают характеристики Столыпина, в которых Маклаков признаёт достоинства главного противника его партии и говорит, что для «служения государству у Столыпина было несравненно больше данных, чем у Витте. Как поли-

тический оратор он был исключительной силы, подобных ему не было не только в правительстве, но и в среде наших «прирождённых» парламентариев» [8].

Но, отмечая свойство, которое мешало премьеру, — «непреклонную настойчивость», «сильную волю, которая перед трудностями не отступает» и «долю упрямства, которое боится «уступок» и «ошибок» признавать не желает», он подчеркивает, что в отличие от Бисмарка, «который умел уступать, когда полезно, забывая о самолюбии», Столыпин «любил идти напролом, не отыскивая линии наименьшего сопротивления, не смущаясь, что плодил этим лишних врагов, и открывая слабые места для нападений» [8].

Отвергая упреки общественности вообще, и Вите в частности, в лицемерии премьер-министра, В. А. Маклаков утверждает: «лицемерие совсем не его стиль. Столыпина невозможно представить себе ни «интриганом», ни «услужливым царедворцем». В своём личном поведении он был «человеком независимым, решительным и смелым...» [8].

В. И. Ленин и П. А. Столыпин лично не сталкивались, но Ленин в своих работах упоминает Столыпина около 200 раз. Это связано с тем, что Столыпин длительное время был самым главным «врагом революции» [4, т. 1, с. 464].

Главной работой Ленина по «стольпинской» проблеме является статья «Столыпин и революция» от 18 октября 1911 г. Это некролог, где Ленин решил окончательно развенчать реформатора [4, т. 1, с. 465].

Нет объективности в его оценках. Столыпин называется «помещиком», «обер-вешателем», «погромщиком», а его смерть «умерщвлением». Ленин повторяет ложь, не анализирует факты [4, т. 1, с. 465].

Государь ценил и уважал Столыпина, как соратника, который делом и смертью доказал свою преданность. Но между ними было разномыслие. Николай II был мистически настроен и эти настроения делали его равнодушным ко всему культурному, экономическому, политическому прогрессу, на пользу которого работал Столыпин [4, т. 1, с. 557].

Николай II отметил, что П. А. Столыпин «иногда настолько перегибает, что это раздражает, но он — лучший деятель, которого он имел» [4, т. 1, с. 560].

Надо сказать, что из Николая II и Столыпина не получилось хорошей команды. Они не стали соратниками и единомышленниками.

Для характеристики Столыпина важны также воспоминания его коллеги по правительству С. И. Тимашева: «Затем особенность его характера составляло соединение двух обыкновенно взаимоисключаемых качеств — чарующей мягкости в отношении к людям с необычайно твердой, железной волей и редкой неустрашимостью. Это человек действительно не боялся ничего, не боялся ни за свое положение, ни даже за свою жизнь. Он делал то, что находил полезным, совершенно не считаясь с тем, как отнесутся к его действиям люди, имевшие большое влияние в высших сферах. В случае давления свыше у него всегда была простая дилемма: или переубедить, или оставить свой пост, но никогда никаких компромиссов.

Быть может, в своей настойчивости он шел даже несколько далеко. Прежде чем принять решение, он охотно советовался и выслушивал чужие мнения. Но раз решение было принято, он не отступал от него, хотя бы явились новые аргументы или возникли не предусмотренные ранее обстоятельства, ... отмеченный недостаток был следствием целостности и благородства его натуры» [9].

Писатель С. Н. Сыромятников о закаленном ха-

рактере П. А. Столыпина, как государственного деятеля, писал: «Если Бисмарка называли железным канцлером за его политику, то гораздо правильнее можно назвать Столыпина железным министром за его силу воли и за его самообладание. Иногда только загорались его глаза, когда он слышал о какой-нибудь вопиющей несправедливости» [10].

Б. Г. Федоров, в своей книге, ссылается на В. Пикуля, который в своем произведении изобразил П. А. Столыпина заядлым курильщиком, который любил и выпить. Это крайне обидело сына премьер-министра Аркадия, который прочитал этот роман в Париже [4, т. 1, с. 566].

Он же вспоминал, что его мать, судя по всему, никогда в жизни не видела рулетки и приходила в ужас от мысли, что люди могут играть на деньги [4, т. 1, с. 566].

Как и почти все Стольпины, Петр Аркадьевич не любил охоты и любые другие привычки, которые, как он считал, лишают людей свободы. Вроде бы мелкая деталь, но очень важная. Даже самые рьяные враги никогда не пытались серьезно приписать ему какие-либо традиционные для того времени пороки [4, т. 1, с. 566].

Интересно мнение В. В. Розанова: «Что ценили в Столыпине? Я думаю, не программу, а человека вот этого «воина», вставшего на защиту, в сущности, Руси. На Столыпине не лежало ни одного грязного пятна: вещь страшно редкая и трудная для политического человека. Тихая и застенчивая Русь любила самую фигуру его, самый его образ, духовный и даже, я думаю, физический, как трудолюбивого и чистого провинциального человека, который немного неуклюже и неловко вышел на общерусскую арену и начал «по-провинциальному», «по-саратовскому», делать петербургскую работу, всегда запутанную, хитрую и немного нечистоплотную. Так ей «на роду написано», так ее «мамка ушибла» [11].

«В этом оздоровлении Столыпин сыграл огромную роль — просто русского человека и просто нравственного человека, в котором не было ни йоты, ни красного, ни белого нигилизма. Это очень хорошо выражается в его красивой, правильной фигуре; в фигуре «исторических тонов» или «исторического наследства». Смеюшися, даже улыбающимся я не умею его себе представить. Очень хорошо шло его воспитание: сын корпусного командира, землевладелец, питомец Московского университета, губернатор, — он принял в себя все эти крупные бытовые течения, все эти «слагаемые величины» русской «суммы», без преобладания которой - нибудь» [11].

«Когда я его слышал в Думе, ложилось впечатление: «Это говорит свой среди своих, а не инородное Думе лицо».

Значение П. А. Столыпина, как образца и примера, сохранится на многие десятилетия; именно как образца вот этой простоты, вот этой прямоты. Их можно считать «завещанием Столыпина» и завещание это надо помнить» [11].

Мнение В. В. Розанова, еще раз показывает нам положительное отношение к личности П. А. Столыпина, которое было несвойственно современникам. Но его высказывали, большинство близко знавших П. А. Столыпина людей.

Надо отметить, что, проанализировав высказывания современников о личности П. А. Столыпина, мы их разделили на позитивные и негативные.

Но, если объективно посмотреть, то характеристики Петра Столыпина почти всех современников совпадают: серьезный, энергичный и жесткий деятель режима, человек удивительной работоспособ-

ности и железной энергии, умный бюрократ. Очень храбрый, всегда шел навстречу опасности, обладал невероятной выдержкой и самообладанием.

Его воля, энергия, принципы поражали и раздражали правящую верхушку. Трусливые и вороватые люди всегда ненавидят сильных и принципиальных людей, завидуют им, испытывают какой-то комплекс неполноценности. Отсюда столько негативных слов в адрес Петра Столыпина, не основанных на каких-либо аргументах.

По всем отзывам современников, Петр Аркадьевич был образцовым семьянином и консервативным человеком. Примером этому может служить тот факт, что он редко и умеренно употреблял спиртное, никогда не курил, почти не играл в карты. Гостям он говорил: «У нас староверческий дом — ни карт, ни вина, ни табака». В одежде и питании к роскоши семья Столыпина так же не стремилась [4, т. 1, с. 568].

Анализируя жизнь П. А. Столыпина, мы пришли к выводу, что в нем уживаются два человека: один — это тихий и спокойный семьянин, другой — это энергичный и готовый к самопожертвованиям политик, вождь, лидер и борец. Как человек, по нашему мнению, П. А. Столыпин, отличался, прежде всего, личной скромностью и необычайно крепкими моральными принципами.

Библиографический список

1. Шульгин, В. В. Годы. Дни. 1920 / В. В. Шульгин. — М., 1991. — С. 76.
2. Зырянов, П. Н. П. А. Столыпин / П. Н. Зырянов // Вопросы истории. — 1990. № 6. — С. 54.

3. Louis, G. Les carnetest de Georges Louis. Paris, 1926. — P. 33.
4. Фёдоров, Б. Г. П. А. Столыпин «Я верю в Россию». Биография Столыпина. В 2 т. Т. 1. — СПб.: Лимбус Пресс, 2002. — 6242 с.
5. Тхоржевский, И. И. Последний Петербург / И. И. Тхоржевский. — СПб., 1999. — С. 51.
6. Витте, С. Ю. Воспоминания / С. Ю. Витте. В 3 т. Т. 3. — М., 1960. — 608 с.
7. Оболенский, А. В. Мои воспоминания и размышления / А. В. Оболенский. — М., 1998. — С. 137.
8. Маклаков, В. А. Вторая Государственная дума / В. А. Маклаков. — Лондон, 1991. — С. 97—98.
9. Шепелев, Л. Е. Чиновничий мир России / Л. Е. Шепелев. — СПб., 1999. — С. 96.
10. Сыромятников, С. Н. Железный министр / С. Н. Сыромятников // Скрипицын В. А. Богатырь мысли, слова и дела / В. А. Скрипицын. — СПб., 1911. — С. 64.
11. Розанов, В. В. Историческая роль Столыпина / В. В. Розанов // Новое время. — 1911. — 8 октября // Наш современник. 1991. — №3. — С. 43.

ТЕРЕХОВ Валерий Фёдорович, кандидат исторических наук, преподаватель военной кафедры, офицер запаса.

НОВИКОВ Павел Викторович, студент третьего курса, группа ЭЭб-319.

Адрес для переписки: e-mail: pa4entus@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.04.2012 г.

© В. Ф. Терехов, П. В. Новиков

Информация

Гранты молодым ученым для участия в исследовательских проектах (Барселона, Испания)

Научно-исследовательский институт фотоники (ICFO, Барселона, Испания) приглашает молодых ученых принять участие в программе постдокторских исследований.

Цель международной программы, осуществляемой при финансовой поддержке Европейской Комиссии (Marie Curie Co-funding of Regional, National and International Programme (COFUND)) — предоставить молодым ученым, находящимся в начале научной карьеры, возможность работать на передовом крае современной науки и стать успешными самостоятельными исследователями.

Институт предлагает стипендии продолжительностью 24 месяца. Стипендиатам будет предложено включиться в работу исследовательских групп ICFO.

Краткий (неполный) перечень научных исследований, выполняемых в научных группах ICFO: биофотоника, фотомедицина, нанофотоника, нанотехнологии, нелинейная оптика, квантовая оптика, квантовая информатика, лазерная физика (генерация ультракоротких импульсов), оптоэлектроника и др.

К участию в конкурсе приглашаются молодые исследователи, которые не являются испанскими гражданами (не проживают постоянно в Испании).

Если претендент уже участвовал в образовательной (исследовательской) программе в Испании, то срок его пребывания в Испании не должен превышать 12 месяцев за последние два года.

К крайнему сроку подачи заявок молодой ученый должен иметь степень PhD. Степень должна быть получена не более чем за пять лет до крайнего срока подачи заявок. Исключение делается для заявителей, которые брали документированный академический отпуск по рождению ребенка. Для женщин, родивших в этот период детей, срок получения степени может быть увеличен на 12 месяцев для каждого ребенка, но не более чем на три года. Кандидат должен быть основным автором по меньшей мере одной научной публикации.

Со стипендиатами будет заключаться стандартный договор о приеме на работу на 2 года с перечислением обязанностей сотрудника в исследовательской группе ICFO.

Крайний срок подачи заявок на участие в программе — 30 июня 2012 года.

Подробная информация представлена на сайте ICFO: <http://nestpostdocs.icfo.es/>.

Адрес публикации в Интернет http://www.rsci.ru/grants/grant_news/284/232136.php

Источник: http://www.rsci.ru/grants/grant_news/284/232136.php; (дата обращения: 12.05.2012).